

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Вольф БЕЛОВ

ИМПЕРАТОР
ПОЛНОЧНОГО БЕРЕГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Бельфеддор

Вольф Белов

Император полночного берега

«Вольф Белов»

2009

Белов В. А.

Император полночного берега / В. А. Белов — «Вольф Белов»,
2009 — (Бельфеддор)

ISBN 978-5-9922-0391-2

Победа империи в битве народов на Черном берегу заставила Тень Аддата отступить, однако это не спасло Ногару. Кровопролитная война затянулась на долгих сто лет. Не устояв под натиском многочисленных врагов, империя развалилась на части. Жестокие сражения, чума и голод год за годом опустошали прибрежные равнины. Боги Смерти властвовали на просторах распавшейся империи ногаров, пока в дремучие полночные леса не пришел человек, бросивший вызов всему свету и назвавший себя царем. Чужеземец объединил варварские племена лесов и степей под своей властью и повел их к побережью. Полночный берег Круглого моря покорился новому знамени. Через кровь и смерть на побережье пришло долгожданное время мира.

ISBN 978-5-9922-0391-2

© Белов В. А., 2009
© Вольф Белов, 2009

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Вольф Белов

Император полночного берега

*В грязи темных улиц,
В пыли пьяных драк
Голод гуляет —
Съели собак.
Жизнь человека
Иль мяса шматок,
Выбор уж сделан —
Крови поток.
Погребальные звоны
И смрад от костров.
Чума собирает
Подать с дворов.
Племя на племя.
Страна на страну.
Безжалостный век
Продолжает войну.
Жесток и злобный
Законы попрал.
Насилье и стоны —
У власти тиран.
Кто против восстал,
Тот растерзан давно.
Все новым порядкам
Подчинено.
В огне его силы
Сгорали сердца,
Но волей его
Зацвели города.
Светлана Зубарева.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗОЛОТО БЕЛЬФЕДДОРА

Порывы студеного ветра подхватывали колючий снег и бросали в лицо. Прикрываясь плащом, путник втягивал голову в плечи и продолжал свой путь через метель почти вслепую. Изредка он выглядывал из-под плаща и, прищурив глаза от ветра и снега, смотрел в ту сторону, где еще до начала бурана видел на горизонте синюю полосу леса. Сейчас сквозь снежную пелену невозможно было что-либо различить даже в пяти шагах и человек устремлял взгляд вперед не столько в надежде увидеть цель своего пути, сколько по привычке.

По всей видимости, путник впервые отправился так далеко на полночь,¹ к арамейским лесам и явно не был готов встретить такую непогоду: его легкие одежды не могли защитить от холода и снега. Короткие сапоги, холщовые штаны да простая льняная рубаша с разорванным воротом, за который то и дело попадали снежные хлопья, под тонким шерстяным плащом — он уже давно понял, насколько неподходяще это одеяние для северных земель, куда занесли его

¹ Полночь — север. Полдень — юг. Восход — восток. Закат — запад.

судьба и собственное упрямство. Ветер раздувал длинные светлые волосы путника, снег таял на лице, но тут же застыл сосульками на усах и бороде.

Споткнувшись, человек упал на одно колено. Попытавшись подняться, он снова без сил осел в снег. Закутавшись в плащ, путник решил позволить себе краткий отдых, чтобы хоть отдышаться. Сквозь вой ветра ему чудились голоса из прошлого, а в завихрениях и прорехах снежной завесы виделись картины из другой жизни.

* * *

Геранда на некоторое время отложила свою вышивку, когда с улицы донеслись возбужденные крики:

– Псы идут! Псы Орланденга!

Хлопнула дверь, в дом вбежал ее сын Корлунг.

– Мама! – крикнул мальчик с порога. – Из Талбота пришел дракар Орланденга! Сегодня будут выбирать воинов!

Мать неодобрительно покачала головой:

– Не ходи туда, сынок. Тебе еще слишком рано думать об этом. Ты едва отметил свою тринадцатую весну. Псы не возьмут тебя.

– Ничего подобного! – воскликнул мальчишка, гордо выпятив грудь. – Я уже готов взять меч!

Мать не успела больше ничего возразить, Корлунг тут же выбежал из дома. Геранда тяжело вздохнула. В своей решимости мальчишка так напоминал ей своего отца. Тот был так же горяч. Был, пока в далеком походе его не сразила стрела ногарского солдата. Геранда совсем не желала, чтобы ее сын шел по стопам отца. Конечно, мужчин, а в особенности мальчишек, влечет жизнь воина, полная опасностей, кровавых схваток, лихих приключений и подвигов. По крайней мере, именно такой представляется эта жизнь многим. Но только женщины знают, каково это – услышать однажды, что твой сын, брат, муж, отец больше никогда уже не вернется из похода.

Раз в несколько лет из крепости Талбот – цитадели верховного вождя и главы клана воинов-оборотней – черных псов, приходил дракар. Сам конунг² Орланденг выбирал подростков, годных для воинской службы. Мальчишек уводили в крепость, где в течение нескольких лет обучали воинскому ремеслу. Далеко не каждому суждено было стать одним из черных псов, в большинстве своем они становились простыми воинами, но каждый мальчишка, каждый юноша мечтал заполучить на свой щит изображение оскаленного свирепого зверя – символ принадлежности к клану.

Вот и юный Корлунг весь последний год грезил этим. Он мечтал стать воином, как его отец, которого мальчишка никогда не знал. Однако Геранда совсем не разделяла чаяний своего сына. Впрочем, в этот год она могла пока не волноваться – мальчик действительно был еще слишком юн, к тому же, в отличие от сверстников, не отличался крепким телосложением. Вряд ли Орланденга мог заинтересовать такой новобранец.

Тем не менее Геранда отложила свою вышивку и вышла из дома. Она направилась к пристани, куда уже со всех сторон стекалось практически все население города. Жители Кем-Парна были не слишком избалованы зрелищами, так что прибытие корабля верховного вождя являлось для них весьма значимым событием.

Над пристанью возвышался нос боевого дракара, украшенный резной головой морского змея. На корме судна белел просторный шатер. Наверняка покои вождя всех кадангов побережья в его замке в Талботе изобиловали роскошью, здесь же, на боевом корабле, все было

² Конунг – вождь племени, военный предводитель, король (др. сканд.)

по-воински просто. На полотне шатра отсутствовала какая-либо роспись или вышивка, щиты, развешанные вдоль бортов, были самыми обычными.

По пристани с грозным видом расхаживали несколько воинов в черных плащах, с изображением оскаленных псов на щитах.

У пристани на берегу толпился народ, люди громко переговаривались, обсуждая предстоящее действо. Похоже, конунг не собирался задерживаться в Кем-Парне надолго. Из разговоров соплеменников Геранда узнала, что их вождь сам прибыл навстречу Орланденгу из своего замка и поднялся на корабль. Женщина попыталась отыскать взглядом своего сына, однако безуспешно.

Из шатра вышел Гедарненг – правитель Кем-Парна, слегка располневший от сытой спокойной жизни коренастый крепыш лет пятидесяти. Как и все вожди, правившие племенами океанского побережья, он принадлежал к клану псов-воинов, о чем свидетельствовало его черное одеяние с золотой вышивкой на вороте и рукавах. За ним в сопровождении своей свиты в таких же одеждах появился сам конунг Орланденг – верховный вождь всех кадангов и глава клана черных псов. В отличие от правителя Кем-Парна верховный вождь был высок и подтянут, хотя имел за плечами более богатый груз прожитых лет, осевший обильной сединой в длинных волосах и аккуратной бороде. Все сошли с корабля на пристань, по-прежнему возвышаясь над простым людом, толпившимся на галечном берегу у самой полосы прибоя.

Конунг вскинул руку, властным жестом призывая народ к молчанию. Толпа притихла. В наступившей тишине Орланденг торжественно провозгласил:

– Жители Кем-Парна! Настало время избрать среди ваших детей достойных взять оружие и встать на защиту наших земель, завещанных нам предками!

При этих словах Геранда поджала губы. Ни она, ни даже старейшие жители Кем-Парна, как и других городов, ни разу не слышали, чтобы враг когда-либо покушался на земли кадангов. С одной стороны владения обитателей океанского побережья отделяла от остального мира гряда неприступных скалистых гор, с другой – Изумрудные леса, способные поглотить в своих таинственных чащобах целую армию. Зато боевые отряды кадангов частенько совершали походы в земли соседей, грабя купеческие галеры, селения в предгорьях Потана и прибрежные города Ногары. Лишь в последние годы черные псы и их последователи отказались от походов, что было вызвано отнюдь не миролюбием. По слухам, на равнинах Ногары, охваченных войной, свирепствовали оспа и чума, занесенные с Черного Берега, уже давно обезлюдевшего от болезней и резни.

Однако для жителей Кем-Парна, собравшихся в этот час у пристани, все это не имело никакого значения. Почти любой почитал за высокую честь отдать своего сына на воспитание и обучение черным псам. Один за другим отцы выводили своих сыновей, предъявляя их взору Орланденга. Внимательным взглядом конунг ощупывал фигуры мальчишек и кивком выражал свое одобрение, после чего избранные поднимались на причал, гордо поглядывая с высоты на своих соплеменников.

Одним из последних из толпы вышел Корлунг. По обычаю к конунгу его должен был подвести отец или старший мужчина в семье. Но отец мальчика погиб еще до его рождения, других мужчин в семье не было, а мать не имела такого права, поэтому Корлунг вышел сам. Будь он чуть ближе, Геранда тотчас схватила бы сына за руку и увела прочь, но она оказалась в толпе слишком далеко от него.

Орланденг взглянул на очередного претендента с нескрываемым удивлением.

– Как твое имя, мальчик? – спросил конунг.

– Корлунг, – назвалса мальчишка. Орланденг пристальнее взгляделся в его лицо.

– Твой лик мне кого-то напоминает. Не сын ли ты Геранды?

– Да, это он, – подтвердил Гедарненг, стоявший рядом.

Геранда услышала их слова и закусила губу. Несколько лет назад ей довелось познакомиться с Орланденгом достаточно близко во время пира в замке Кем-Парн, где она, в числе прочих женщин, прислуживала за столом. Тогда в замок съехалось много вождей и воинов – услуги не хватало. В ту пору Орланденг еще не был конунгом, верховным вождем его избрали много позже. Геранда провожала гостя в отведенные ему покои, где Орланденг весьма недвусмысленно намекнул, что в эту ночь женщина вполне может исполнить для него обязанности жены. По обычаям кадангов такой гость был вправе потребовать себе любую незамужнюю женщину. Но на вдов это право вождей не распространялось – как женщины, изведавшие супружеское ложе и освобожденные от обязательств смертью супруга, они были вольны сами выбирать себе спутника на ночь. Об этом и сказала Геранда той ночью гостю, подкрепив свои слова острием кинжала. Никто никогда не узнал о той истории, однако Орланденг навсегда запомнил тот кинжал у себя между ног, не забыл он и имя женщины, унизившей его.

– Сколько тебе лет? – спросил он мальчишку.

– Пятнадцать! – бойко солгал тот.

Конунг усмехнулся.

– Если это так, ты слишком хил для своего возраста. Мне не нужны больные. Я набираю воинов.

Все вокруг рассмеялись. Мальчишка и в самом деле был не слишком крепок даже для своих тринадцати, и два лишних года совсем не прибавляли ему значимости и внушительности в глазах конунга.

– Я хочу стать воином! – горячо воскликнул мальчишка.

– Клен тоже наверняка хотел бы стать могучим дубом, но только кленом и останется, – насмешливо сказал Орланденг.

Со всех сторон вновь раздался хохот. Геранда закусила губу. Она знала, как болезненно сын воспринимает насмешки и насколько он бывает нетерпелив, горяч и упрям. Женщина начала подозревать, что добром это все не закончится, но вмешиваться уже было поздно.

– Испытай меня, вождь! – в запальчивости воскликнул мальчишка.

Его слова вызвали новый взрыв смеха, до того нелепо выглядел этот щуплый юнец, словно неоперившийся птенец, возмнивший себя бойцовым петухом.

– Отец, этого клопа прихлопнет даже моя сестра, – со смехом сказал Орланденгу молодой юноша, стоявший чуть позади конунга.

– Ты уверен, Андененг? – так же смеясь спросил верховный вождь.

– Конечно, – ответил юноша и позвал: – Ранда!

Из шатра тут же выбежала юная девушка, совсем еще девочка. Она словно только и ждала, когда ее позовут. Девчонка спрыгнула вниз, прямо на голову Корлунга, и опрокинула его на землю. Усевшись верхом на поверженного мальчишку, Ранда принялась молотить его кулаками под веселые выкрики толпы. Удары были совсем не шуточные, и Корлунг мгновенно ослеп на один глаз, а во рту почувствовал вкус собственной крови из разбитых губ. Несмотря на полную растерянность, мальчишка все-таки вывернулся из-под бойкой противницы, оттолкнул ее в сторону и вскочил на ноги.

Ранда замерла в напряженной позе, словно кошка, готовая в любой миг снова броситься в драку. Она была чуть старше Корлунга и немного выше, однако в схватке мальчишка, хоть и не без труда, все же смог бы ее изрядно поколотить. Но знакомый голос остановил его:

– Сынок!

Сквозь туман, застилавший единственный уцелевший глаз, Корлунг увидел в толпе свою мать. Сразу вспомнился случай, как однажды на его глазах один из соседей избил свою жену за мелкий проступок. Это настолько впечатлило мальчика, что в тот день он клятвенно заверил мать, что никогда не поднимет руку на женщину. А ведь мужчина должен держать свое слово, иначе он уже не мужчина, не воин, не каданг.

Корлунг непроизвольно разжал кулаки. Воспользовавшись его замешательством, Ранда бросилась вперед и ударила с такой силой, что мальчишка снова упал. Это было так обидно, что слезы сами собой хлынули из глаз. Кое-как увернувшись от очередного удара, Корлунг вскочил и со всех ног бросился бежать прочь под беспощадный смех толпы.

– Ваш род мельчает, – заметил Орланденг, обращаясь к Гедарненгу, но так, чтобы слышали все. – Вот что бывает, когда мужчину воспитывает женщина. В нем нет ни стойкости, ни храбрости. Это уже не воин.

– Истинно так, – подтвердил правитель Кем-Парна, сокрушенно покачав головой.

– По крайней мере, ему хватает смелости не выбирать себе в противники женщин, – твердо произнесла Геранда.

Ее слова прозвучали достаточно громко, чтобы их услышали все. Орланденг нахмурился, увидев Геранду в толпе, однако женщина уже повернулась к нему спиной и пошла прочь, не удостоив верховного правителя кадангов даже взглядом. Сжав зубы, конунг с трудом подавил вспыхнувшую ярость – своенравной вдове вновь удалось уязвить его самолюбие, на сей раз прилюдно.

Между тем Корлунг бежал прочь из города, не разбирая дороги. Слезы безудержным потоком лились из глаз, жгучая обида заглушала даже боль. Он и не заметил, как оказался в лесу, в тенистом сумраке могучих вековых деревьев. Споткнувшись, мальчик упал на толстое, как бревно, корневище. Он не стал подниматься, а, обняв корневище и прижавшись к нему щекой, разрыдался еще горше.

– Что так опечалило тебя, сын мой? – послышался спокойный ровный голос.

Мальчик почувствовал легкое прикосновение, словно кто-то ободряюще похлопал его по плечу. Он вскинул голову и огляделся. Менее всего Корлунгу хотелось бы сейчас, чтобы кто-то увидел его плачущим. Однако рядом никого не было, лишь ветви склонились над ним.

– В чем твоя печаль, мальчик? – услышал Корлунг все тот же голос.

– Кто ты? – недоуменно спросил Корлунг, вновь бросив взгляд по сторонам. – Почему я тебя не вижу?

От удивления он даже на какое-то время забыл о происшествии на пристани и слезы мгновенно просохли.

– Ты видишь меня, – ответил таинственный голос. – Просто не замечаешь, как многие твои соплеменники.

Неожиданно две ветви подхватили мальчика под руки, подняли и поставили на ноги лицом к стволу огромного дуба, поросшему от древности густым мхом и увитому плющом.

– Это... это ты говоришь со мной?! – ошеломленно выдохнул Корлунг, обращаясь к дереву.

– Я, сын мой, – все так же ровно и спокойно отозвался голос.

В узловатых наплывах коры, покрытых мхом, мальчику почудились черты огромного лица. Казалось, неведомое древесное существо было расположено к нему доброжелательно.

– Кто ты? – удивленно и несколько испуганно прошептал Корлунг.

– У меня нет имени, – ответил живой дуб. – Я есть то, что ты видишь, сын мой.

– Почему ты называешь меня сыном? – снова удивился мальчик.

– Я видел, как зажигались звезды этого мира, видел, как вздымались горы, как леса покрывали равнины... Я видел, как наряду с другими существами появились вы, люди. Все вы для меня юны, как дети.

– Ты так стар?! – в очередной раз удивился Корлунг.

Он окинул взглядом могучий ствол, который смогли бы обхватить разве что человек двадцать. Мальчику подумалось, что при такой толщине дуб должен доставать своей вершиной до облаков. Он задрал голову, но взгляд уперся в низкий зеленый свод. Похоже, дуб был нена-

много выше прочих деревьев, зато крона его оказалась так широка, что в ее тени раскинулась обширная поляна.

Тут Корлунг вдруг понял, что оказался в густом лесу и совершенно не представляет, как вернуться обратно, на дорогу к Кем-Парну.

– Не бойся, – произнес дуб, словно почувствовав его тревогу. – Ты не заблудишься в моем лесу.

Осмелев, мальчик подошел ближе и осторожно коснулся рукой коры дуба в том месте, где ему виделась щека странного древнего существа.

– Так в чем же твоя печаль, сын мой? – спросил дуб. – Кто обидел тебя?

При этих словах мальчик вновь почувствовал, как болит разбитое лицо, и вспомнил, что случилось на пристани. Глаза снова наполнились слезами, но Корлунг сдержался. Усевшись на корневище, он принялся рассказывать о том, как в один миг разрушились все его мечты стать настоящим воином, как он был унижен и оскорблен на глазах у всех. Никому на свете он не смог бы открыться, но своему странному собеседнику поведал все без утайки.

– Зачем мама остановила меня?! – негодовал Корлунг. – Я мог бы поколотить эту девчонку! Она сделала меня посмешищем.

– Не брани свою мать, сын мой, – мягко произнес дуб. – Она поступила так, как считала нужным для тебя, не позволила тебе нарушить свой же обет. Думаю, в глубине души ты сам сознаешь, что она права. Излишнее уважение к дочерям своего народа не в правилах кадангов, но ни одного мужчину не красит схватка со слабой женщиной, тем более, если он собирается стать воином.

– Слабой?! – снова вознегодовал Корлунг. – Видел бы ты ее! Настоящая пантера!

– Я видел, – спокойно отозвался дуб. – Да, она ловка и быстра, но все равно остается женщиной, существом, что дарит жизнь вам, людям. Подумай о том, что и она когда-то станет матерью и будет дорога своим детям, как дорога тебе твоя мать. Не позволяй злости взять над собой верх. Не ожесточай свое сердце, сын мой.

– Ты все видел? – недоуменно переспросил Корлунг. – Как ты мог видеть? Ты же здесь. Даже ты не сможешь увидеть отсюда Кем-Парн.

– Я всюду, где есть трава и деревья. Корни связывают всех нас. Находясь на одном месте, я могу знать, что происходит в Изумрудных лесах или степях Ногары и даже в полуночных лесах арамеев и хошимов. На берегу океана, среди ваших скал, тоже ведь есть деревья. Есть они и в Кем-Парне.

– Зачем же ты меня расспрашивал, если и так уже все знаешь? – в очередной раз удивился мальчик.

– Я хотел услышать эту историю именно от тебя. Правдивую историю, так, как ты сам ее воспринимаешь. Только высказав собственные мысли вслух, человек способен дать им верную оценку. Впрочем, иногда она бывает и ложной. Ты пока на распутье, сын мой. Какой же дорогой ты пойдешь?

– Никакой, – пробурчал Корлунг, обняв свои колени и уткнувшись в них лицом. – В город я уже точно не смогу вернуться. После такого позора...

– Ты считаешь, что совершил что-то постыдное, сын мой?

Корлунг пожал плечами.

– Не знаю. Наверное... Ведь я не сумел защитить себя, меня поколотила девчонка, и я... Я заплакал. Все это видели. Теперь я уже никогда не стану воином, не вступлю в клан.

– А что значит для тебя быть воином, сын мой? – снова спросил дуб.

От этого вопроса мальчик слегка растерялся.

– Ну-у... Сражаться с врагами... Я не знаю...

– Сила воина не только в крепких руках и умении владеть оружием. Главное для воина – сила духа. Как бы ты ни был могуч, если твой дух слаб, тебе никогда не стать бойцом. Пре-

одолей себя, свой страх и вернись в город. Смотри людям в глаза прямо, не отводя взгляд. Сумеешь победить себя самого – одолеешь и врага.

– Я не знаю, смогу ли я... – растерянно пробормотал Корлунг.

Он представил, как будут смеяться над ним сверстники и указывать на него пальцами. Ведь его поколотила девчонка на глазах у всех. Хотя и дочь самого верховного вождя, но все-таки девчонка.

– Ты требовал от конунга, чтобы он испытал тебя, – напомнил дуб. – Сначала испытай себя сам.

– Хорошо, – согласился Корлунг с тяжелым вздохом. – Я сделаю так, как ты говоришь.

Он поднялся на ноги.

– Мне идти прямо сейчас? – робко спросил мальчик.

– Решать тебе, сын мой. Я тебя не гоню. Выбор только за тобой.

Корлунг огляделся по сторонам и заметил едва приметную тропку, что, петляя, скрывалась в чаще.

– Куда ведет эта тропинка? – поинтересовался мальчик больше из желания потянуть время, чтобы подольше не возвращаться домой, чем из любопытства.

– Пойди по ней и узнаешь. Но имей в виду: то, что ждет тебя в конце этого пути, может изменить всю твою жизнь и не обязательно в лучшую сторону. Выбор за тобой, сын мой.

Корлунг снова взглянул на тропку. Неизвестно, что ждет его там, в темной глубине леса, но сейчас неизвестность пугала гораздо меньше, чем возвращение в родной город.

– Мне можно будет еще тебя увидеть? – спросил он у дуба.

Почему-то Корлунг был уверен, что ему снова захочется услышать ровный спокойный голос этого необычного древнего существа.

– Конечно, сын мой. Ты сможешь прийти ко мне, когда пожелаешь. Помни, мальчик, свой путь ты всегда выбираешь для себя сам.

Корлунг поднял ладонь, жестом попрощавшись с дубом, как это было принято у кадангов, и зашагал по тропке в темную глубину леса.

– Мир тебе, сын мой, – прозвучало вслед.

Деревья обступили мальчика со всех сторон, однако идти по тропе оказалось довольно легко – колючие ветви будто сами собой раздвигались перед ним. Через некоторое время Корлунгу показалось, что кто-то следит за ним из зарослей, а вскоре он услышал сдавленный смешок.

– Кто там? – насторожился Корлунг. – Покажись!

Из зарослей с шумом выпорхнуло нечто и опустилось на большой толстый сук, сложив за спиной большие белые крылья. Корлунг с изумлением увидел красивую юную девушку в легкой полупрозрачной тунике.

– Ты ириада? – ошеломленно спросил мальчик.

– Да, я одна из них, – ответила девушка тонким певучим голосом.

– Я слышал, что вы живете только в Изумрудных лесах.

– Это так, – кивнула девушка.

– Как же ты оказалась здесь?

Ириада весело рассмеялась.

– Захотелось на тебя посмотреть. Над нами нет ничьей власти, мы летаем там, где захотим.

– Как тебя зовут? – спросил мальчик.

– Мирра, – ответила девушка. – А тебя?

– Корлунг.

– Какой ты красивый мальчик, – игриво заметила ириада.

Корлунг смутился. Подумав, какой вид он должен иметь после побоев, мальчик чуть было не решил, что ириада попросту насмехается над ним, однако ее улыбка казалась доброжелательной.

– Ты знаешь, что там? – спросил Корлунг, указав в чашу, где среди темных зарослей скрывалась тропа.

– Знаю, – кивнула Мирра. – Скоро узнаешь и ты. Не бойся.

– Я не боюсь.

Мирра снова рассмеялась.

– Тогда иди.

Корлунг нахмурился. Ему снова почудилось, будто лесная обитательница насмехается над ним, и подозрения начали перерастать в уверенность.

– И пойду.

– Иди-иди! – подзадорила его ириада, игриво улыбаясь.

– И пойду! – решительно повторил Корлунг.

– Иди! – продолжала дразнить его Мирра. – Что ж ты стоишь?

Корлунг лишь махнул рукой, поняв, что препираться с шаловливой ириадой можно до бесконечности, и продолжил свой путь. Перепархивая с ветки на ветку, ириада сопровождала его всю дорогу, не отказывая себе в удовольствии изредка поддразнить мальчишку. Впрочем, Корлунга не слишком уязвляли смешки и ехидные, задиристые замечания его странной попутчицы. Вскоре он уже начал чувствовать себя в обществе ириады легко и непринужденно, словно дружил с ней много лет. Он даже не задумывался о том, что видит то, что не доступно для взора практически любого смертного. Корлунг слышал сказания об ириадах – диковинных крылатых лесных девушках, обитающих в Изумрудных лесах под сенью живых говорящих деревьев. Они были миролюбивы и не ведали страха, однако предпочитали скрываться в чащобах, не показываясь людям. Любой, кто вознамерился бы отыскать ириаду, был обречен на неудачу, того же, кто задумал бы пленить лесную девушку, ждала верная смерть на тропках Изумрудных лесов. Живые леса оберегали свои тайны, не нападая на людей первыми, но и не допуская посягательства с их стороны. Мальчик никак не ожидал, что встретит именно здесь сразу двух таинственных обитателей Изумрудных лесов, да и никто из соплеменников не мог бы даже предположить подобного.

Первое время Корлунгу не давали покоя слова дуба о выборе, почему-то он вновь и вновь вспоминал их, пытаясь постичь смысл услышанного. Потом мысли соскочили на верность слову, которое он едва не нарушил. Настоящий мужчина всегда верен клятве. А он мужчина? Ведь его побила девчонка. Но он же ее не тронул, не нарушил слово. Под бойкий стрекот ириады мысли совсем перепутались, мальчик даже тряхнул головой, словно пытаясь если не избавиться от одолевших его размышлений, то хотя бы расставить все по местам. В конце концов ему пришлось отказаться от попыток здраво рассуждать – в обществе Мирры это было просто невозможно, ее колкие замечания, вопросы и смешки не позволяли сосредоточиться.

За разговорами с болтливой ириадой – причем большей частью говорила она – время пролетело незаметно. Корлунг вышел на широкую поляну, немногим меньше той, что раскинулась под сенью живого дуба, посреди которой стояло неказистое деревянное строение, скорее похожее на большой шалаш, чем на дом. Из отверстия в крыше вился дымок, изнутри слышался звон металла.

– Что там? – спросил Корлунг, остановившись.

– Пойди туда и увидишь сам, – ответила Мирра.

– И пойду! – с вызовом воскликнул мальчишка. – Думаешь, испугаюсь?

– Иди-иди, – в очередной раз подзадорила его ириада.

Корлунг не стал вступать с ней в перепалку, он уже давно понял, что спорить с лесной обитательницей бесполезно – для нее это все просто веселая игра. Ничего не ответив, он направился к строению. Мирра осталась стоять на месте, внимательно наблюдая за ним.

Мальчик уже догадался, что оказался перед кузней. То, что он увидел, заглянув в распахнутые настежь большие, как ворота, двустворчатые двери строения, подтвердило его догадку. У наковальни стоял высокий старик с коротко остриженной бородой. Из-под грязной головной повязки выбивались длинные седые волосы. Лицо кузнеца было изрезано глубокими морщинами и потемнело – то ли от прожитых лет, то ли от жара горна. Старик держал щипцами раскаленную заготовку и мерно бил по ней молотом, наполняя округу металлическим звоном. От каждого удара в стороны разлетались снопы искр, отскакивали от кожаного фартука мастера.

Затаив дыхание, Корлунг следил за работой старика. В Кем-Парне не было кузницы, оружие, доспехи и инструменты в город привозили торговцы. Мальчик лишь слышал о кузницах-чародеях, что скрываются от непосвященных глаз в лесах и пещерах и способны не только властвовать над медью и бронзой, но и добывать железо из упавших с неба камней³ и превращать его в несокрушимую сталь.

Мастер исподлобья взглянул на мальчишку и вдруг сурово спросил:

– Так и будешь без толку торчать в дверях?

Корлунг растерялся.

– А что... что я должен делать?

– Подбрось дров и раздуй мехи, – потребовал кузнец. – Огонь совсем погас в горниле. Поторопись, у нас много работы.

Мальчик послушно поспешил выполнить распоряжение старого мастера.

Увидев, как он скрылся в воротах кузни, Мирра грустно улыбнулась и прошептала:

– Вот ты и выбрал свой путь, Корлунг, сын Геранды из Кем-Парна.

* * *

Попавший за шиворот снег вернул человека от образов прошлого к действительности. Он тряхнул головой и грозно прорычал сам себе:

– Не спать! Не смей засыпать, скотина!

Одним рывком он поднялся из сугроба, который намело вокруг него. С головы и плеч осыпался сугроб поменьше. Еще немного, и путника замело бы с головой так, что никто уже не смог бы его обнаружить в степи до самой весны.

Ударивший в грудь ветер едва не свалил путника обратно в снег. Замерзшие, онемевшие ноги плохо слушались. Человек снова прикрыл голову плащом и продолжил свой путь, утопая в снегу по колено. Он спотыкался, падал, но снова вставал, упрямо продвигаясь сквозь метель к лесу. Путник знал – только там, под защитой могучих разлапистых елей, он сможет укрыться от бурана. Бездумно перебирая ногами, мыслями он вновь и вновь возвращался к давно ушедшим в прошлое событиям из другой жизни.

* * *

Над чаном с шипением взвилось облако пара, когда Корлунг окунул в холодную воду раскаленный добела клинок. Выждав немного, он вынул меч из помутневшей воды и внимательно осмотрел со всех сторон, словно любясь. Это был его первый меч, и юноша считал себя вправе

³ Упавший с неба камень, небесный камень – метеорит.

гордиться своим мастерством. Арденг – старый кузнец и наставник Корлунга, взял клинок из рук своего ученика и так же внимательно осмотрел со всех сторон.

– Что-то не так, учитель? – настороженно спросил Корлунг, пытаясь заглянуть снизу в глаза старика.

Минувшие годы, казалось, нисколько не отразились на старом мастере, он был все так же крепок и высок, держал спину прямо, не сутулясь. Корлунг же, за несколько лет работы в кузне превратившись из шуплого угловатого мальчишки в крепкого широкоплечего юношу, в рост вытянулся ненамного и по-прежнему оставался ниже своего наставника.

– Клинок хорош, – сурово произнес кузнец. – Ты вложил в свою работу немало труда и усердия, но слишком мало души. Это мертвый меч.

– Мертвый? – недоуменно переспросил Корлунг. – Я не понимаю тебя, учитель.

– В нем нет души, – пояснил старый мастер.

– Души? – вновь удивился юноша. – Какая может быть душа в куске стали?

– Для большинства людей меч – просто орудие смерти, – ответил кузнец. – Для тех же, кто знает в этом толк, меч – неотъемлемая часть воина, продолжение его руки, то, что повинуется даже не движению, а одной лишь мысли, малейшему желанию своего обладателя. В самом таком клинке дух воина. Ты выковал отличный меч, но истинный мастер вкладывает в свой труд не только свое умение, но и душу. Тогда и любое его изделие становится живым, будь то плуг, подкова или меч. Живой клинок способен одним ударом разрубить вражескую плоть вместе с доспехом от плеча до пояса. Только живой меч может стать единым целым с его владельцем.

Корлунг озадаченно хмыкнул и почесал в затылке. Глядя на его растерянную физиономию, Арденг рассмеялся.

– Не бери в голову, мой мальчик, – сказал старик, похлопав ученика по плечу. – Ты многое перенял от меня и стал искусным мастером. На свете есть много умелых кузнецов, но лишь немногие способны создать по-настоящему живой меч.

– А ты, учитель? – поинтересовался Корлунг. – Ты делаешь такие клинки? Покажи мне. Арденг сразу помрачнел, его и без того темное лицо потемнело еще больше.

– Нет, мой мальчик, – произнес он, покачав головой. – Я уже давно не изготавливаю такие мечи и вообще стараюсь не ковать оружие. На свете слишком мало истинных воинов, а простые головорезы и грабители найдут себе оружие и без моей помощи.

– Мне давно уже кажется, что ты не очень-то жалуешь черных псов и вообще воинов, – осторожно заметил Корлунг.

Арденг усмехнулся.

– Тебе правильно кажется. Это вы, безусые юнцы, считаете, что состоять в клане черных псов – верх доблести и почета. Но в основе клана лежит предательство. Более тысячи лет назад они предали своего бога. Но бог напомнил псам о себе, когда они менее всего этого ожидали и были полностью уверены в своей силе.

В голосе Арденга звучало даже не пренебрежение к клану, правившему всем побережьем океана, а настоящее презрение. В этом он был схож с матерью Корлунга. Геранда тоже весьма нелестно отзывалась о псах-воинах и вообще обо всех, кто стремился посвятить жизнь воинскому ремеслу. Она никогда не напоминала сыну о том позоре, которому он подвергся на пристани, будучи мальчишкой, и благодаря чему навсегда лишился надежды вступить в клан, но Корлунг понимал – мать довольна, что ей не придется провожать его в поход. Некоторое утешение Корлунг находил для себя в ковке оружия, чему уже несколько лет его обучал Арденг, да в старых воинских преданиях.

– Расскажи, учитель, – попросил Корлунг. – Как бог напомнил о себе псам?

Арденг не заставил себя долго упрашивать. Он весьма неохотно распространялся о ратных доблестях как псов, так и их противников, но редко упускал случай похвалить на их счет.

– Давным-давно, когда еще мой дед был моложе, чем ты сейчас, черные псы заключили союз с Тенью, собрали сотни кораблей, перетащили их через Большой порог и двинулись к побережью Ногарской империи. Принято считать тот поход не удавшимся из-за сильного шторма, что не позволил флоту дойти до столицы Ногары. Никто из псов до сих пор не желает признавать трусость своих предшественников и предков. На самом деле они встретили Бельфеддора. Именно он заставил псов отступить без боя, и они бежали, не оглядываясь.

– Бельфеддор? – переспросил юноша. – Кто это?

– Это и есть преданный псами бог, – пояснил кузнец, – Впрочем, они стояли друг друга. Среди своего войска он был главным висельником и убийцей.

Арденг в сердцах сплюнул.

– Почему ты так недолюбливаешь воинов и все, что с ними связано? – удивился Корлунг. – Мне казалось, тебе нравится ковать оружие. Когда ты работаешь над новым клинком, у тебя даже взгляд становится такой...

– Потому и не люблю, что сам был воином, – хмуро ответил Арденг. – Я ценю оружие за его изящество и кую мечи, совершенствуя собственное мастерство. Но я ни на миг не забываю, что в каждом новом клинке, наконечнике стрелы или копья таится смерть десятков людей.

– Ты был воином?! – изумленно вскричал Корлунг. – Почему ты никогда не рассказывал об этом раньше?

– Потому, что нечего рассказывать, – проворчал Арденг.

Он отложил в сторону меч, выкованный учеником, тяжело вздохнул и, взяв Корлунга за плечи, сурово продолжал, глядя юноше в глаза:

– Война – это не лихие приключения и вольная веселая жизнь. Прежде всего – это кровь и смерть. В свое время я достаточно поскитался по свету, узнал эту жизнь со всех сторон, но не видел ничего страшнее войны. Я видел целые поля, усеянные мертвыми телами, где вороны обжирались настолько, что не могли взлететь. Я видел, как корчатся в муках, медленно умирая, искалеченные бойцы. В этот миг они совсем не похожи на лихих вояк, больше напоминают испуганных мальчишек. Я помню их глаза – боль, отчаянное желание жить и обреченность. Я видел изрубленные тела стариков, женщин и детей в захваченных городах и селениях, видел обугленные трупы мирных жителей, заживо сожженных в своих домах, видел обезумевших от страха и стыда юных девушек, безжалостно поруганных толпой озверелых убийц в доспехах. Я видел детей, плачущих среди развалин, видел, как женщины, рыдая, вытаскивали из груди мертвых тел трупы своих сыновей, мужей, отцов. Я видел, как люди умирают с голоду, оборванные дочиста солдатней, и дерутся за обглоданную кость с дикими собаками. Вслед за войной всегда неизбежно приходят голод и мор, выкашивая люд не менее усердно, чем клинки. Все это я видел и слышал их голоса, крики, мольбы, стенания... Хочу забыть, но не могу...

Арденг снова вздохнул.

– И все-таки я хотел бы стать воином, – тихо произнес Корлунг.

– По-прежнему хочешь вступить в клан? – спросил Арденг.

После короткого раздумья юноша покачал головой.

– Нет. Пожалуй, нет. Я не забыл, как они обошлись со мной пять лет назад, и никогда этого не забуду.

Арденг усмехнулся и хлопнул ученика по плечу.

– Не забивай себе голову лишними мыслями. Иди отдыхай, мой мальчик. Ты славно потрудился сегодня. Твоя подружка уже заждалась.

Корлунг и в самом деле давно уже слышал мелодичный голос Мирры. Нежная, добрая песня девушки, казалось, наполняет весь лес, и все лесные обитатели притихли, вслушиваясь в чарующие звуки голоса ириады.

Юноша покинул кузню и углубился в лес, шагая вдоль ручья вверх по течению. Он не смог бы отыскать девушку по голосу – ее песня странным образом звучала над лесом отовсюду.

Впрочем, Корлунг и не собирался отправляться на поиски, он не сомневался – Мирра сама придет к нему, как это уже бывало не раз.

Освободившись от одежды, Корлунг окунулся в прохладную воду ручья, подставив тело течению. Уже не в первый раз он слышал песни Мирры, но, как и прежде, чарующие звуки голоса ириады завораживали юношу. Даже ветви деревьев, склонившиеся над ручьем, казалось, покачиваются в такт мелодичным переливам. Знающие люди поговаривали, что в своих владениях в Изумрудных лесах ириады способны своими песнями усыпить навсегда неосторожных или враждебно настроенных путников. Но Корлунг не опасался наваждения, он любил отдыхать после работы в кузне вот так, лежа в водах ручья, обволакивающих его прохладными объятиями, под мелодичные звуки голоса Мирры, закрыв глаза и теряя ощущение времени.

Неожиданно песня смолкла, а вскоре к берегу ручья выбежала Мирра. Юноша приподнялся на локтях ей навстречу, ничуть не смущаясь своей наготы, прикрытой лишь прозрачной водой. Девушка задорно рассмеялась, сбросила с себя тунику и, с шумным плеском бросившись к Корлунгу, прильнула к его груди. Юноша обнял нежное трепещущее тело ириады, заглянул в ее зеленые глаза. За минувшие после их первой встречи годы лесная обитательница ничуть не изменилась. Видимо, правы были те мудрецы, что утверждали, будто над ириадами не властно время. Сама Мирра никогда не говорила об этом серьезно, но Корлунг подозревал, что, несмотря на шаловливый характер и ребячество, девушка намного старше даже старого Арденга. Но сейчас, когда на него смотрели зеленые глаза ириады, на губах чувствовалось ее дыхание, а к обнаженному телу прижималась ее нежная нагота, это не имело никакого значения.

– Я так люблю слушать твои песни, – произнес Корлунг.

Девушка игриво улыбнулась.

– Ириады – жрицы любви, мы всем дарим радость.

– Тогда подари радость мне, – прошептал Корлунг и прильнул поцелуем к ее влажным губам.

Ириада обняла его и обвила крыльями. Два обнаженных тела сплелись в единое целое. С этого мига для них двоих больше не существовало ничего вокруг, весь мир остался где-то в стороне, были только он и она – оба растворились в волнах блаженства, наслаждаясь близостью и ласками друг друга.

* * *

Путник вновь поймал себя на том, что, предавшись воспоминаниям, медленно засыпает. Зачерпнув горсть снега, он растер его по лицу. Это мало помогло, но все же усилием воли человек заставил себя подняться из сугроба и сделать новый шаг.

– Вперед, – приказал он сам себе.

Впрочем, онемевшие от холода губы еле шевелились, и путник мог издавать лишь невнятные хриплые звуки.

Даже руки уже шевелились с трудом, плечи онемели. Путник все реже пытался укрыться за плащом, ветер бил прямо в грудь, бросая снег в лицо и за пазуху, но человек мало что чувствовал. Лишь природное упрямство не позволяло ему сдаться. Он то и дело падал на колени, но снова вставал. Зацепившись за что-то ногой, путник дернул и вытянул из-под снега обломанную ветку кустарника. Опустившись на одно колено, он осторожно коснулся места слома. Мысли вновь унесли путника в далекое прошлое.

* * *

Корлунг быстро шагал по лесной тропе, держа в одной руке затупленный меч. Плышался шорох листвы, и через мгновение из зарослей выпорхнула Мирра, преградив ему путь.

– Зачем тебе эта железка? – настороженно поинтересовалась девушка.

Голос ее был непривычно серьезен, а в глубине зеленых глаз угадывалась тревога.

– Отец велел принести меч, – нехотя ответил юноша.

– Велел? – недоверчиво переспросила ириада.

– Разрешил, – уточнил Корлунг.

Мирра обхватила его за плечи, приблизившись почти вплотную и глядя прямо в глаза.

– Зачем тебе это? – мягко спросила ириада. – Разве нам плохо вместе? Ты хочешь покинуть меня?

Обворожительный взгляд ириады мог свести с ума кого угодно. В такие моменты Корлунгу не хватало выдержки побороть соблазн, не устоял он и сейчас и, обняв девушку, впился в ее губы страстным поцелуем. Узкая ладошка Мирры скользнула под его рубашку и легла на грудь, еще больше возбуждая кровь и кружа голову.

Все же, сделав над собой усилие, юноша отстранился.

– Разве нам плохо вместе? – настойчиво повторила свой вопрос девушка.

– Ты же знаешь, Мирра, как я счастлив с тобой, – ответил Корлунг. – Я люблю тебя...

– Тс-с! – Мирра прижала палец к его губам, заставив замолчать. – Не говори так больше. Никогда.

– Почему? – удивился Корлунг.

– Потому, что это не так.

– Мирра, я совсем тебя не понимаю, – растерялся юноша.

– Почему ты хочешь уйти? – печально спросила Мирра.

– Я всего лишь иду к отцу, – ответил Корлунг, недоумевая. – Что тебя так расстроило?

Мирра тяжело вздохнула. В уголках ее печальных зеленых глаз заблестели слезинки.

– Ты уйдешь, – обреченно прошептала она. – Ты взял меч – значит, уйдешь.

– Да с чего ты это взяла?! – воскликнул Корлунг.

Ничего не ответив, ириада взмахнула крыльями и скрылась в кронах деревьев.

– Мирра! – крикнул Корлунг ей вслед.

Первым желанием было броситься за ней вдогонку, но юноша понимал всю тщетность такой попытки. Догнать ириаду не смог бы никто из смертных.

Корлунг недоуменно хмыкнул. Странное поведение Мирры совсем сбilo его с толку. С тех пор, как отец-дуб согласился обучить юношу воинскому ремеслу, ириада все чаще хмурилась, ее песнь все реже разносилась над лесом.

О вступлении в клан псов-воинов нечего было и думать. Даже если бы все забыли о той истории, что случилась на пристани несколько лет назад, собственная гордость не позволила бы Корлунгу присоединиться к людям, подвергшим его унижению. Но несмотря ни на что, мысль о том, чтобы стать воином, не покидала юношу. Мать, уже надеявшаяся, что эта блажь навсегда покинула голову сына, неодобрительно восприняла его желание, Арденг же разразился отборнейшей бранью, когда Корлунг попросил его дать несколько уроков. Юноша и не подозревал, что его учитель способен так сердиться. На мгновение ему даже показалось, что кузнец ударит его. Но старый мастер лишь прогнал ученика из кузни на весь день.

Только у древнего дуба-отца Корлунг неожиданно нашел поддержку. Как ни странно, именно он взялся обучать юношу воинскому ремеслу и искусству выживания среди врагов. Поначалу Корлунг засомневался в опыте древнего существа – все-таки было трудно заподозрить в растении, хоть и весьма необычном, бывалого бойца. Однако после первых же уро-

ков сомнения развеялись, да и сам Арденг подтвердил, что лучшего наставника в этом деле Корлунгу не найти на всем побережье. Хоть старому кузнецу и не пришлось по душе занятия юноши, против воли дуба-отца он возражать не стал. До сих пор Корлунг обучался драться на палках и кулачному бою, сегодня он должен был начать учиться владеть настоящим оружием.

Странный разговор с Миррой омрачил душу, и на знакомую поляну Корлунг вышел уже совсем поникший.

– Мир тебе, сын мой! – мягко приветствовал его ровный голос дуба.

Приблизившись к огромному стволу, Корлунг коснулся ладонью заросшей мхом коры и ответил:

– И тебе мир, отец.

– Твой лик печален и на душе тяжесть, – заметил дуб. – Что огорчило тебя, сын мой?

– Мирра, – хмуро ответил юноша. – Она как-то странно ведет себя. Я совсем перестал понимать ее.

– Девочка очень привязалась к тебе и боится разлуки. Ее век гораздо дольше, чем у простых женщин, она уже много раз теряла тех, кто был ей дорог, и не хочет потерять снова.

– Но с чего ей взбрело в голову, что я собираюсь покинуть ее? – удивился Корлунг. – Объясни мне, отец? Я чего-то не знаю?

– Никто не знает в точности свою судьбу. Но каждый может ее предугадать. Когда на распутье человек сворачивает в какую-то сторону, любой, кому уже знакома эта дорога, может сказать, что ждет его в конце. Скажи, сын мой, тебе нравится здесь?

– Конечно! – воскликнул юноша. – Мне нравится жить здесь с тобой, с Арденгом и Миррой. Я даже уговаривал маму перебраться сюда, но она почему-то не хочет покидать Кем-Парн.

– У твоей мамы совсем другая жизнь. А какую жизнь выберешь для себя ты? Я вижу, ты все-таки принес меч. Значит ли это, что ты окончательно сделал свой выбор?

– Конечно! – снова воскликнул Корлунг.

– Вот это и печалит девочку. Мужчины берут в руки оружие и надевают воинскую броню не для того, чтобы сидеть у домашнего очага. Рано или поздно их уводит дорога на поля далеких сражений. Назад возвращаются немногие. Ты готов к этому?

– Да!

– Не торопись с ответом, сын мой. Может статься, что, ступив на этот путь, ты никогда не будешь счастлив сам и сделаешь несчастными многих. Готов ли ты к этому? Подумай хорошенько, назад пути уже не будет.

– Готов! – решительно произнес Корлунг.

– Тогда возьми меч. Не стану скрывать, сын мой, мне не по душе твой выбор. Но ты слишком горд и слишком упрям – эти два качества часто сводят мужчин в могилу раньше срока. Не хочу, чтобы твоя жизнь прервалась слишком рано. Я дам тебе силу, что поддержит и твою гордыню, и твое упрямство. Лишь взявшись за меч и возненавидев врага, ты еще не становишься воином, пока ты просто человек с оружием, и любой опытный боец, даже не будучи хорошо вооруженным, сможет легко одолеть тебя в поединке.

Перед носом Корлунга, разбрызгивая комья земли, вверх взвился толстенный корень с длинными отростками, словно с руками. Юноша отшатнулся назад и, ухватившись за рукоять меча крепче обеими руками, принял боевую стойку.

– Успокой свое сердце, выровняй дыхание, – услышал он повелительный голос дуба. – Ярость воина должна быть холодна.

– Разве такое может быть? – удивился Корлунг, за что получил удар веткой в лоб.

– Может. Слепая безрассудная ярость, как и злоба, не знает цели. Направь ее туда, где враг.

– А где враг? – осторожно поинтересовался Корлунг.

Он с опаской покосился вверх, ожидая нового удара веткой.

– Перед тобой, – прозвучал ответ.

Корень, поднявшийся перед ним, качнулся, взмахнув отростками. Корлунг отступил еще дальше.

– Я боюсь поранить тебя, отец, – нерешительно сказал он.

Нерешительность стоила ему еще одного удара, на сей раз по спине. Тренируясь с палкой и шестом, Корлунг был более уверен в себе, но сейчас в его руках был меч. Хотя и специально затупленный, но все-таки настоящий меч.

– Не бойся, сын мой. Рази!

Несмотря на привычное обращение, сейчас дуб разговаривал с ним довольно жестко и не скупился на удары, побуждая юношу к более решительным действиям.

Корлунг шагнул вперед и нанес удар. Вернее, хотел нанести. Его клинок наткнулся на толстый сук, неведь откуда взявшийся, еще одна гибкая ветвь оплела руки, а под ноги ударил корень. Через мгновение Корлунг припечатался спиной к земле, а у горла оказалось затупленное лезвие его собственного меча.

– Ярость должна быть холодна, – наставительно повторил дуб. – Не горячись в схватке, контролируй положение и, нападая, будь готов отступить. Следи за движениями противника, но не забывай оглядываться. Ты должен держать под обзором все поле боя. Бывалые воины, рубившиеся во многих схватках, спиной чувствуют опасность, тебе же еще этому учиться и учиться.

Корлунг поднялся на ноги и снова взял меч в руки.

– Конечно, я совсем не похож на обычного противника, которого можно встретить на поле боя, – продолжал дуб. – Но если сумеешь противостоять мне, устоишь и в настоящей битве один против многих.

Учебный бой продолжился. Атакуя юношу своими корнями и ветвями то с одной стороны, то с другой, дуб при этом терпеливо объяснял, как правильно держать меч, как двигаться, как наносить удары и парировать выпады противника.

Отмахиваясь от хлестких ударов толстых сучьев, Корлунг сломал мечом одну из ветвей. Он тут же замер от испуга и даже выронил клинок.

– Тебе больно, отец? – спросил он, осторожно коснувшись пальцами места слома. – Прости меня.

Первым ответом послужил очередной удар толстой веткой в грудь, такой крепкий, что юноша не устоял на ногах. Затем прозвучал ровный и суровый голос дуба:

– Где оружие, там всегда и боль. Не отвлекайся. В настоящем бою вокруг тебя всегда будут боль и кровь, некогда будет проливать слезы над ранами, своими и чужими.

Корлунг поднял меч и продолжил необычный поединок. Сражаться с дубом и в самом деле было тяжело. Противостоять ему не смогли бы, наверное, даже несколько опытных бойцов сразу. Уворачиваясь от одной ветки, юноша наткался на другую, из земли в самый неожиданный момент появлялись огромные корневища, бросаясь на него со всех сторон, иные норовили обвить ноги. Корни так разрыхлили землю, что Корлунг начал проваливаться в ямы, это еще более усложнило тренировку. Он то и дело оказывался поверженным, но поднимался снова и снова, упрямо продолжая бой, уже не обращая внимания ни на обломанные сучья, ни на собственные ссадины.

* * *

Добравшись до опушки, путник чуть ли не ползком продолжал пробираться дальше, в глубь леса, оставляя за собой в снегу глубокую колею. Здесь уже было не так ветрено, как на открытой местности – то ли деревья в самом деле защищали от непогоды, то ли буран начал

стихать. Впрочем, к этому времени человек уже не чувствовал ни ветра, ни холода, ни даже собственного тела. Укрывшись под широкими заснеженными лапами могучей ели, путник затих.

* * *

Океан лениво накатывал на берег редкие волны, шурша галькой. Корлунг шагал вдоль полосы прибоя, ступая босыми ногами по отшлифованным водой камешкам. В этот день он покинул свое лесное прибежище и отправился в Кем-Парн навестить мать. На душе было тягостно. Сегодня Мирра вновь на него обиделась. Вот уже целый год, с тех самых пор, как юноша при помощи дуба-отца начал осваивать воинское искусство, ириада пребывала в печали. Она все реже радовала друга своим веселым задорным смехом, вместо этого постоянно твердила, что Корлунг сам приближает миг их разлуки. Это было просто невыносимо. Корлунга порой начинали раздражать такие слова Мирры, он слишком привязался к ириаде, и перемены в ее настроении больно ранили в самое сердце. Хотя в глубине души юноша не мог не признать, что опасения Мирры оправданны. Несмотря на то, что ему вовсе не хотелось покидать лесную обитель, Корлунг сознавал, что учится владеть мечом не ради того, чтобы всю жизнь провести в лесных дебрях. Когда-нибудь ему все равно придется отправиться в дальний путь. Но когда оно еще наступит, это «когда-нибудь». В ближайшее время он совсем не собирался покидать родные края и всячески пытался успокоить Мирру. Однако все его попытки были тщетны. Ириада словно предчувствовала что-то, недоступное самому Корлунгу.

Чтобы хоть как-то развеяться, юноша выбрал более длинный путь к Кем-Парну и пошел не лесной тропой, как обычно, а, сделав изрядный крюк, вышел к берегу океана. Он надеялся, что длительная прогулка и свежий морской воздух помогут, смятение уляжется и мать не заметит, как подавлен ее сын. Ни к чему ей лишний раз волноваться.

Внимание Корлунга привлек чей-то вскрик. Остановившись, он бросил взгляд в сторону океана. Через мгновение невдалеке из воды показалась голова. Снова раздался крик. Кажется, это была женщина. Всплеснув руками, она снова погрузилась в воду. Совсем не похоже было, что женщина просто купается, без чужой помощи она явно не могла удержаться на поверхности, словно что-то тянуло ее в глубину.

Корлунг сорвал с себя рубашку и бросился в воду. Подплыв к тому месту, где только что видел всплеск, юноша нырнул, подхватил полубесчувственное тело и попробовал поднять наверх. Однако что-то действительно тянуло женщину на дно. Погрузившись глубже, Корлунг увидел сеть, в которой женщина запуталась ногами. Очевидно, сеть сорвало штормом и прибило к берегу, в нее и попала женщина. Корлунг попробовал распутать петли руками, однако из этого ничего не получилось. Вынырнув на поверхность, юноша вдохнул свежего воздуха и снова погрузился на глубину. На поясе женщины он нащупал кинжал. Выдернув клинок из ножен, Корлунг разрезал сеть. Он подхватил женщину и вместе с ней, наконец, выбрался на берег.

Вытащив спасенную им женщину, Корлунг положил ее животом на свое колено и хлопнул по спине. Незнакомка закашлялась, отплевывая воду.

– Кто ты? – спросил Корлунг, усадив женщину на гальку и встряхнув за плечи.

Незнакомка отвела пряди мокрых, слипшихся волос с лица. Женщина оказалась совсем молоденькой. Ее лицо показалось юноше смутно знакомым.

– Где я видел тебя раньше?

Девушка оттолкнула своего спасителя и недовольно буркнула:

– Не смей меня лапать.

Она поднялась на ноги, осмотрела свое разодранное платье, хлопнула ладонью по пустым ножнам и с негодованием спросила:

– Где мой кинжал?

Судя по камням и золотой инкрустации, покрывавшей ножны, кинжал стоил своей оправы и был не столько оружием, сколько ювелирным украшением. Впрочем, Корлунга это нисколько не впечатлило, к подобному виду оружия он был равнодушен.

– Где-то на дне, – ответил Корлунг усмехнувшись. – Можешь поискать.

Девушка недобро прищурилась и прошипела:

– Это дорого тебе обойдется, босьяк! Мой кинжал стоил дороже, чем вся твоя паршивая жизнь.

– Да ты, оказывается, редкостная дрянь, – неприязненно процедил Корлунг сквозь зубы. – Похоже, твой кинжал стоил дороже и твоей жизни, причем намного. Пожалуй, стоило вытащить его, а не тебя.

В первый миг, когда он разглядел, как привлекательна девушка, как мокрое разорванное платье соблазнительно облепляет ее изящные формы, сердце юноши учащенно забилося, теперь же в душе вскипела злость. Он попытался внимательней присмотреться к незнакомке. Определенно он где-то ее видел раньше. Но где? Сосредоточиться на этой мысли не получилось, так как в этот самый момент девушка злобно выкрикнула:

– Захлопни свою поганую пасть!

С этими словами она выбросила вперед кулак, целясь в переносицу своему спасителю. Корлунг отклонился в сторону и подтолкнул девушку, одновременно подставив подножку. Девушка упала на колени, разорванный подол платья обнажил ее бедра. Не удержавшись, юноша хлопнул ладонью по оголившемуся задку незнакомки, чем привел ее в бешенство. Девушка вскочила на ноги и с яростным криком вновь набросилась на Корлунга. Для молодого кузнеца, тем более после уроков дуба-отца, такой соперник не мог являться достойным, и через мгновение девушка вновь была повержена. Оседлав незнакомку, Корлунг прижал ее руки к гальке.

– Отпусти, ублюдок! – злобно прошипела девушка, силясь высвободиться и ударить Корлунга коленом в спину. – Мой отец спустит с тебя шкуру живьем!

Теперь Корлунг понял, где и когда видел девушку раньше.

– Ты Ранда, дочь Орланденга?! – воскликнул он.

– Да, мой отец конунг! – со злобой подтвердила девушка. – Он прикажет разорвать тебя конями.

– Могла бы и поблагодарить за свое спасение, – мрачно заметил Корлунг.

– Отец тебя отблагодарит, не сомневайся, – заверила его Ранда. – Ты получишь достойную награду, будь уверен.

– Да уж не сомневаюсь, – усмехнулся Корлунг. – От вашей семейки ничего хорошего ждать не приходится. А может, мне взять свою плату прямо сейчас с тебя?

Он окинул девушку оценивающим взглядом, затем, удерживая одной рукой ее запястья, сведенные за головой, другой рукой рванул рубашку. Сделано это было лишь с целью поугатать заносчивую девчонку, сбить с нее спесь. Однако, увидев прямо перед собой обнаженную грудь Ранды, юноша ощутил дрожь. Близость их тел, разгоряченных в недавней схватке, ее ярость, собственная злость и пьянящий запах женщины – все это будоражило кровь, заставляя забыть, пробуждая дикие инстинкты.

– Уберись от меня, грязная скотина! – взвизгнула дочь конунга.

В ее голосе не было страха, лишь одна злоба. Ничего не ответив, Корлунг захватил ладонью ее грудь и коснулся губами соска. Ранда стиснула зубы, когда же почувствовала руку Корлунга под подолом своего платья, едва не задохнулась от возмущения и ярости. Она выгнулась под юношей, пытаясь освободиться, но вскоре вдруг обмякла, покорно и даже, как показалось, охотно отдавшись умелым ласкам Корлунга, несколько лет делившим ложе с самой ириадой – жрицей любви. Разгоряченность и злость и в девушке пробудили животные инстинкты, заглушавшие голос разума, а крепкие мужские руки на собственном теле заставили забыть о том,

кто есть кто. Сейчас Ранда хотела лишь одного – чтобы все это продолжалось и продолжалось. Через несколько мгновений она сама обвила Корлунга ногами, отзываясь на каждое его движение, а вскоре юноше уже не было нужды удерживать дочь конунга, девушка сама не позволила бы ему прерваться и прекратить начатое. Судя по повадкам, Ранда уже была далеко не новичком в любовных утехах, чего было трудно ожидать от незамужней девушки, к тому же дочери самого верховного вождя. Сжимая в объятиях ее упругое горячее тело, Корлунг забыл обо всем на свете, все мысли вытеснило лишь страстное желание, чтобы эти сладостные мгновения обладания длились как можно дольше...

– Может быть, я и прощу тебя, – произнесла Ранда, едва оба отдышались. – Как твое имя?

– Я Корлунг, сын Геранды из Кем-Парна, – назвался юноша.

Ранда сразу изменилась в лице. Выскользнув из-под юноши, она вскочила и запахнула обрывки своего платья, кое-как прикрыв грудь и бедра.

– Вижу, ты еще не забыла меня, – с усмешкой заметил Корлунг, также поднимаясь на ноги. – Теперь мы в расчете.

– Ты пожалеешь об этом дне! – злобно пообещала Ранда.

В этот момент послышался мужской голос:

– Эй, вы что тут делаете?

Корлунг обернулся. Вдоль берега к ним приближался молодой мужчина, лицом похожий на Ранду.

– Где ты был, Андененг?! – взвизгнула девушка. – Этот босяк изнасиловал меня!

– Что?! – взревел Андененг.

Он бросился вперед, словно разъяренный бык.

– Стой! – крикнул Корлунг.

Однако уже ничто не могло остановить взбешенного Андененга.

– Убей его! – взвизгнула Ранда, подзадоривая брата.

Андененг на бегу выхватил кинжал. Корлунг даже не успел обдумать свои действия. Привычным, хорошо отработанным движением он перехватил руку противника, сжимавшую кинжал, вскинул вверх, повернулся на месте и ударил за спину. Ранда снова завизжала. Похолодев от ужаса, Корлунг оглянулся через плечо. Андененг встретился с ним взглядом, полным недоумения и детской обиды. Навалившись на плечо Корлунга, сын конунга медленно сполз вниз и опустился на колени. Он по-прежнему держался за рукоять кинжала, торчавшую теперь из его собственного живота. Коротко простонав, Андененг повалился на бок.

Корлунг отступил от мертвого тела. Он взглянул на Ранду. Девушка с ужасом смотрела на тело брата, зажав рот руками. Повернувшись, Корлунг бегом бросился прочь от страшного места.

Как в детстве, он бежал не разбирая дороги. Ноги сами привели его на знакомую поляну. Упав на колени перед дубом, Корлунг простонал:

– Мне страшно, отец!

– Знаю, сын мой, – сурово отозвался дуб.

– Я убил человека.

– И совершил насилие над его сестрой, – послышалось осуждающе. – Все знаю, сын мой.

– Но это же неправда! – воскликнул Корлунг. – Она сама этого хотела!

– Запомни, сын мой, что бы ни случилось в твоей жизни, никогда не лги самому себе.

Оценивай собственные поступки по справедливости.

Корлунг поник головой.

– Прости, отец, я виноват.

Широкая ветвь склонилась к его голове.

– Ах, сын мой, ты все-таки озлобил свое сердце, – печально произнес дуб. – Это не принесет тебе счастья и может сделать несчастными многих.

– Что мне делать, отец? – с надеждой спросил Корлунг. – Посоветуй.

– А как ты сам думаешь?

Юноша покачал головой.

– Я не знаю.

– Чтобы никогда не спрашивать совета после времени, всегда сначала обдумывай свои действия и делай то, в чем уверен. Того, что уже сделано, невозможно исправить. А то, что будет с тобой в дальнейшем, зависит только от тебя. Никто не в силах изменить собственную судьбу. Можно сколь угодно сворачивать с одной жизненной тропы на другую, но невозможно изменить направление. Только тебе выбирать – какой дорогой ты пройдешь свой путь, предначертанный судьбой. А сейчас ты должен покинуть эти края. Псы Орланденга уже ищут тебя.

– Я должен повидать мать! – воскликнул Корлунг.

– Нет, – жестко ответил дуб. – В Кем-Парне ты появляться не должен. Уходи так далеко, как только сможешь, и никогда не возвращайся сюда.

– А Мирра и Арденг? – спросил Корлунг.

– Уходи, – повторил дуб. – У тебя нет времени прощаться с ними.

– Я когда-нибудь увижу тебя снова? – тихо спросил Корлунг.

– Частица меня есть всюду, где есть трава и деревья, – ответил дуб. – Смотри на них и вспоминай меня.

– Я никогда тебя не забуду.

Поднявшись на ноги, Корлунг осторожно коснулся ладонью ствола и прошептал:

– Прости меня, отец.

– Мир тебе, сын мой. Прощай.

* * *

Путник пришел в себя от сильного удара по щеке, видимо, уже далеко не первого. Приоткрыв заснеженные веки, он увидел перед собой женское лицо. Молодая женщина, склонившая над ним, что-то спрашивала. Кажется, она говорила по-арамейски. Путник немного знал этот язык. Похоже, женщина спрашивала, жив ли он. Вероятно, да, раз еще способен слышать. Но сказать что-либо в ответ он уже был не в состоянии. Кажется, он уже видел когда-то эту женщину. Или она похожа на ту, другую? Та ведь тоже была арамейкой.

Он почти не чувствовал, как женщина вытащила его из снега и заставила идти, опираясь на ее плечи. Путник бездумно перебирал ногами, норовя упасть на каждом шагу, между тем как сознание его вновь помутилось – реальность в очередной раз уступила место образам из прошлого.

* * *

Корлунг проснулся в холодном поту. Уже не первую ночь его мучил один и тот же кошмарный сон – он видел объятый пламенем дуб. В огне трещали ветки, чернели и сворачивались листья, а суровый лик древнего существа искажала боль.

Корлунг приподнялся на ложе, которым служила охалка соломы, покрытая плащом, и огляделся. Все вокруг мирно спали.

Вот уже несколько лет, с тех самых пор, как покинул побережье океана, он скитался по свету, ведя жизнь наемника. В этой работе не было недостатка – Ногарская империя вела бесконечную войну со всем светом, и ей требовалось много воинов, как и ее противникам. В поисках лучшей доли Корлунг успел побывать и на той, и на другой стороне – сражался и за повелителя увядающей империи, и за ногарских царьков в отдаленных провинциях, бился и против ногарских легионов в рядах арамейцев, хошимов, гипитов. Ногарские полководцы не

щадили наемников, сотнями отправляя легковооруженных воинов на верную гибель, а предводители варварских отрядов не очень-то доверяли пришлым, и в конце концов Корлунг прибил к разбойничьей шайке, состоявшей из разноплеменных отщепенцев. Пару дней назад разбойники попали в жестокую битву с ногарскими солдатами, потеряли большую часть отряда и укрылись в разоренной войной деревеньке, где в целости остался лишь один дом. На всякий случай убив хозяев, разбойники расположились в захваченном жилище, зализывая раны.

Почувствовав на себе взгляд, Корлунг повернул голову. На него смотрела девушка арамейка, которую разбойники отбили у императорских солдат. Девушка была на редкость привлекательна, как лицом, так и фигурой, поэтому предводитель отряда оставил ее в живых, чтобы и самому попользоваться, а при случае и выгодно продать на побережье.

Поднявшись, Корлунг зачерпнул ковшом из бадьи и напился. Станный сон не выходил из головы. Спроста ли ему снится одно и то же? Отчего так щемит сердце?

Решение было принято неожиданно. Бросив ковш в бадью, Корлунг тихо произнес:

– Я иду к тебе, отец.

Не заботясь тем, что может кого-нибудь разбудить, Корлунг набросил на плечи плащ и стремительно вышел из дома, хлопнув дверью.

Едва он оседлал гиппариона,⁴ на пороге дома появился один из разбойников.

– Эй, ты куда собрался? – окликнул он Корлунга.

– Я уйду, – отозвался тот.

– Ночью? – В голосе разбойника прозвучало подозрение. – Уж не наложил ли ты лапу на нашу добычу? Что у тебя в суме? Или хочешь навести ногаров на наше убежище за звонкую монету?

– Я не вор и не продажный соглядатай, – хмуро ответил Корлунг, проверяя подпругу. – Я просто уйду.

– А вот мы сейчас проверим, что у тебя за душой. Эй, парни! Похоже, нас обокрали!

На зов разбойника из дома вышли еще двое. Поняв, что уйти просто так ему не позволят, Корлунг устремился к разбойникам. Еще несколько лет назад ему не хватило бы решимости на подобные действия, но годы лишений, проведенные в бессмысленных сражениях среди боли и чужих страданий, вытравили страх смерти и крови, приучили действовать, не размышляя и никого не жалея.

Взмахом кинжала Корлунг перерезал горло одному из разбойников, тем же кинжалом пронзил сердце другого. Последний отмахнулся секирой. Пригнувшись, Корлунг уклонился от удара, перехватил оружие и сам нанес противнику два удара: коленом в пах и головой в переносицу. Разломав хлипкую дверь своей спиной, разбойник упал внутрь дома. Корлунг вошел следом, нанося удары направо и налево, безжалостно рубя и тех, кто проснулся, и тех, кто еще спал. Никто не ожидал от него подобного, да еще в этот ночной час, поэтому Корлунг не встретил достойного сопротивления. Последний из разбойников – раненный в последнем бою гипит, выставил руку вперед, словно защищаясь, и взмолился:

– Пощади! Не убивай!

Ничего не ответив, Корлунг вонзил копьё в его грудь. Покончив со всеми, он взглянул в сторону плененной девушки. Арамейка смотрела на него без страха. Корлунг шагнул к ней и разрезал ремни, стягивавшие запястья пленницы.

– Уходи, – приказал он девушке.

Выйдя из дома, Корлунг взобрался в седло и прищипорил коня.

⁴ Гиппарион – древнее животное, предок современной лошади

* * *

Путник очнулся от дикой боли, пронзившей все тело. Насколько раньше он не чувствовал ни рук, ни ног, настолько сейчас почувствовал, что все-таки еще жив. Словно сотни тысяч острых игл вонзились в тело, и без того будто зажатое меж каменных плит. Из груди вырвался сдавленный стон. Путник сжал зубы.

– Можешь кричать, – услышал он женский голос. – Здесь тебя никто не услышит, кроме меня. Не бойся, ты не так уж сильно обморожен, скоро это пройдет.

Путник увидел над собой красивое лицо. Та самая девушка, что уже являлась ему в бреду в заснеженном лесу. Или это был не бред? В любом случае это та самая арамейка, он хорошо запомнил эту женщину, ее бесстрашный взгляд. Кто бы мог подумать, что после всего, что она должна была вынести в плену у ногарской солдатни, в этих глазах не угаснет желание жить. Как давно это было. Или совсем недавно? Казалось, целая жизнь минула с того дня, когда после многолетней отлучки он вновь увидел стены и башни Кем-Парна.

* * *

На низенькой скамеечке у самой стены приземистого дома, сложенного из обломков скал, сидел седой старик и чинил сеть. Услышав шаги Корлунга, старик повернул голову.

– Кто ты? – спросил старый рыбак.

Корлунг помнил этого человека, жившего по соседству с их собственным домом. И много лет назад он вот так же сидел на этой же скамеечке и так же наощупь чинил сеть, ибо уже в то время был незрячим. Впрочем, даже если бы старик мог видеть, он не узнал бы в крепком коренастом мужчине, лицо которого обрамляла борода, соседского мальчишку-подростка, угловатого и тщедушного.

– В соседнем доме жила женщина по имени Геранда, – произнес Корлунг. – Где она? Почему дом пуст?

– Кто ты? – повторил свой вопрос старик.

– Родственник, – уклончиво ответил Корлунг.

– Ах, незнакомец, недоброй была судьба у твоей родственницы, – вздохнул старик. – Ее сын совершил тяжкое преступление, он убил сына самого конунга, напал на него безоружного, а затем и обесчестил дочь верховного вождя. Сам парень сбежал, а его мать была изгнана из собственного дома.

– И никто не заступился за нее? – спросил Корлунг, нахмурившись.

– Таково было правосудие, и оно было признано справедливым. Ведь кто-то же должен был понести наказание за совершенное преступление. Она приняла наказание за своего сына.

– Где Геранда сейчас?

– Долгое время она жила в гроте на берегу океана, выходила в море на своей лодчонке, ставила сети – ведь жить-то надо. Я слышал, несколько раз ее навещал какой-то кузнец из леса.

– Где она сейчас? – нетерпеливо повторил Корлунг.

– Океан забрал ее, – все так же спокойно ответил старик. – Многие рыбаки не возвращаются к родным берегам, не вернулась и она.

Стиснув зубы, Корлунг повернулся и зашагал прочь. Отныне ничто больше не связывало его с Кем-Парном, и он ненавидел этот город и всех его обитателей. Сейчас хотелось только одного – как в детстве и юности припасть к корням дуба-отца, услышать его ровный голос, почувствовать на своих плечах ободряющее похлопывание его ветвей.

Покинув берег, Корлунг углубился в лес. Еще издали он почуял недоброе. Знакомая с детства тропа заросла травой, но сделалась гораздо шире, будто когда-то по ней разом прошли большим отрядом десятки людей.

Выйдя к поляне, той самой, где когда-то впервые услышал голос дуба, Корлунг замер, не веря собственным глазам. Поляна изменилась до неузнаваемости. Покрытое некогда тенью от кроны дуба обширное пространство сейчас было залито ярким светом и заросло высокой травой.

В глазах потемнело, кровь молотом застучала в виски. Запинаясь о почерневшие ветки, Корлунг добрался до центра поляны и рухнул на колени. С глухим стоном он поник головой к самой земле.

Там, где когда-то стоял могучий дуб, ныне из земли торчали обугленные останки.

– Как это могло случиться?! – простонал Корлунг, вцепившись пальцами в траву. – Как?!

– Конунг кадангов отомстил за смерть своего сына и бесчестье дочери, – слышался в ответ мелодичный женский голос. – Долгое время он тешился тем, что всячески усложнял жизнь Геранде. Когда же ее не стало, а псы так и не нашли тебя, конунг выместил всю свою злобу на нем. Черные псы пришли сюда. Они рубили его топорами, жгли, снова рубили и снова жгли. Он умирал несколько дней, весь лес стонал от его боли. Но он не тронул никого из своих мучителей. Арденг был далеко, он вернулся слишком поздно и попытался защитить его. Но псы убили твоего учителя и сожгли его тело на останках дуба.

– Как?! – ужаснулся Корлунг. – И Арденг тоже?!

– Псы не пощадили никого.

Корлунг обернулся. Мирра была все так же юна и прекрасна, как и много лет назад, когда он впервые встретил ириаду в этом лесу, еще будучи мальчишкой. Лишь озорство в ее глазах сменилось глубокой печалью.

– Я знала, что ты вернешься, Корлунг, сын Геранды, – тихо сказала Мирра. – Он тоже знал. И боялся этого.

– Боялся? – переспросил Корлунг.

– Боялся, что ты окончательно ожесточишь свое сердце.

– Что ж, он, как всегда, оказался прав, – мрачно произнес Корлунг.

Он поднял из травы кусок обгоревшей коры дуба, осторожно счистил ладонью черноту и прошептал:

– Прости меня, отец.

Спрятав кору на груди под рубашкой, Корлунг поднялся и зашагал знакомой тропой в глубь леса, даже не оглянувшись на Мирру.

Кузница встретила его тишиной. Все вокруг заросло высокой травой, по стенам расползлись побеги плюща и хмеля, затянув окна и двери. Не без труда отворив осевшую створку дверей, Корлунг окинул взглядом кузницу. Здесь все осталось на своих местах, как в прошлые времена. Очевидно, сюда псы не добрались.

Корлунг сбросил с себя лишнюю одежду, оставшись лишь в холщовых штанах, затем развел огонь в печи, достал инструменты. Бросив заготовку в горн, он раздул мехи. Через некоторое время раздался звон металла, кузница ожила.

Мирра стояла в дверях кузницы, прижавшись к дверному косяку, и следила за работой молодого кузнеца. Слезы текли по ее щекам, ириада даже не пыталась унять их.

Корлунг иступленно бил молотом, удерживая щипцами раскаленную заготовку на наковальне. Он не замечал ничего вокруг – ни слез Мирры, ни боли от разлетающихся искр, обжигающих его обнаженный торс. Раз за разом он раскалял заготовку в огне горна и бил молотом, придавая ей нужную форму и крепость, а перед глазами вставали картины из далекого прошлого – мать, сидящая у окна с вышивкой, суровый взгляд Арденга, крона дуба-отца, дарящая тень, уют и покой... Стояло перед глазами и то, что пришлось увидеть, вернувшись в родные

края спустя годы – заброшенный дом матери и поросшее бурьяном пепелище. Последний раз Корлунг плакал в тот самый день, когда впервые упал к корням дуба-отца. Казалось, он давно разучился это делать, настолько безмятежной была жизнь после и такой суровой в последние годы. Но сейчас слезы нет-нет да и срывались с глаз, с шипением исчезая на раскаленном лезвии рождающегося клинка.

Корлунг работал, не останавливаясь, весь день и всю ночь. Мирра все так же неподвижно стояла в дверях, глядя на него сквозь слезы. На рассвете первые лучи солнца, упавшие в распахнутые двери кузни, отразились от блистающей стали клинка. В рукоять меча, обмотанную шелковым шнуром, кузнец вставил кусок обугленной коры дуба, что взял с собой с пепелища.

– Арденг сказал бы, что в этом мече есть душа, – тихо заметила ириада. – Недобрая душа.

– Тебе лучше вернуться к своим сестрам в Изумрудные леса, – произнес Корлунг. – Здесь тебе незачем оставаться.

Завернув готовый меч в сукно, ученик кузнеца подошел к ириаде и поцеловал девушку.

– Прощай, Мирра. Я больше не вернусь сюда. Никогда.

Корлунг покинул кузню и зашагал прочь, не оглядываясь.

– Прощай, Корлунг, сын Геранды из Кем-Парна, – прошептала Мирра ему вслед, вновь залившись слезами.

Старая лесная тропа совсем заросла, Корлунг продирался к побережью сквозь густые заросли. К полудню он вышел к городку, над которым на скальном утесе возвышалась крепость Талбот, резиденция Орланденга.

Не раздумывая ни мгновения, Корлунг направился прямо к распахнутым воротам крепости. Без помех он вошел на широкий двор.

– Ты кто такой? – остановил его один из слуг.

– Проведи меня к конунгу Орланденгу, – потребовал Корлунг. – У меня важное известие для него.

Тон его был столь решителен, что слуга не осмелился ни возражать, ни спрашивать что-либо еще. Он беспрекословно повел Корлунга за собой.

В большом трапезном зале былолюдно. За длинным дубовым столом сидели широкоплечие мужчины в черных одеждах. Судя по золотой вышивке и шрамам на лицах и руках, то были воины из клана черных псов. Несколько девушек прислуживали пирующим. Во главе стола сидел сам Орланденг. С тех пор, как Ранда с подачи самого конунга унизила его в Кем-Парне, Корлунг никогда больше не видел главу клана. За прошедшие годы Орланденг сильно изменился – лицо его оплыло, под глазами появились мешки, лоб прорезали глубокие морщины, волосы обильно серебрились сединой.

– Прошу простить, мой господин, – слуга поклонился конунгу, – этот человек говорит, что у него важная новость для тебя.

Он указал на Корлунга.

– Говори, парень, – разрешил Орланденг. – Только покороче, у меня нет времени для всяких бродяг.

По виду Корлунг и в самом деле мало отличался от нищего бродяги.

– Я ненадолго, – ответил он конунгу.

Отстранив слугу, Корлунг направился к столу.

– Что за сверток у тебя в руке, парень? – хмуро поинтересовался Орланденг. – Дар?

– Слишком много чести для тебя, – процедил Корлунг сквозь зубы, еще крепче сжав меч, завернутый в сукно.

Конунг нахмурился.

– Кто ты?! – свирепо рявкнул он.

– Я Корлунг, сын Геранды из Кем-Парна.

Конунг не успел даже удивиться. Корлунг шагнул на скамью, оттуда на стол, схватил нож, воткнувший в кабанью тушу, и всадил его в сердце Орланденга.

– Я все сказал, – произнес Корлунг.

Он спрыгнул со стола и твердым шагом направился к выходу. Конунг беззвучно уронил голову на стол. Несколько мгновений псы-воины сидели неподвижно, ошеломленные неожиданной расправой над своим предводителем. Корлунг был уже у дверей, когда один из псов окликнул его:

– Стой!

Псы одновременно вскочили на ноги. Один сорвал со стены меч, другой копье, многие схватились за кинжалы. Корлунг освободил из сукна свой меч.

– Ты надеешься выйти отсюда живым? – свирепо поинтересовался один из псов, хищно оскалившись.

– Я надеюсь только на свой клинок, – со злобой ответил Корлунг. – Подумайте, многие ли из вас наслаждаются победой?

Перед Корлунгом стояли закаленные воины, побывавшие во многих кровавых схватках. Далеко не каждый удаивался чести стать черным псом, свое право быть членом клана каждый из них завоевал мечом, и сомневаться в их решительности не приходилось. Однако слова Корлунга на мгновение заставили их замереть. Черных псов не страшила смерть на поле боя, но ни один воин ни в одном бою никогда не пожелал бы пасть первым. После расправы над самим конунгом в собственном замке в присутствии множества приближенных сомневаться в решимости незнакомца также не приходилось.

Воспользовавшись замешательством псов, Корлунг отступил за дверь и быстро сбежал вниз по лестнице. Воины клана переглянулись.

– Догнать! – рявкнул старший из них.

Выбежав на двор, Корлунг бросился к всаднику, только что въехавшему в ворота, и выбросил его из седла. Заняв место всадника, Корлунг прищепил гиппариона. В воротах он столкнулся с женщиной, в которой без труда узнал Ранду, хотя за минувшие годы дочь Орланденга изменилась не менее, чем ее отец. В руках Ранда несла корзину с мокрым бельем. По всей видимости, ее положение в замке отца немногим отличалось от обычной служанки, если вообще отличалось.

Несмотря на то, что и облик Корлунга сильно изменился с момента их последней встречи, Ранда тоже мгновенно узнала его.

– Ты?! – изумленно воскликнула она.

Корлунг не стал сдерживать гиппариона и во весь опор вылетел за ворота. Ранда едва успела отскочить в сторону и упала на кучу хвороста, сваленную у ворот. Ее корзина опрокинулась, белье вывалилось в пыль.

Во двор выбежали псы-воины, бряцая оружием.

– Седлайте коней! Догнать убийцу! Этот парень зарезал конунга!

К Ранде подбежал белокурый мальчик.

– Мама, мама, тебе больно? – закричал он, теребя платье женщины.

– Ничего, сынок, все хорошо, – успокоила Ранда мальчика.

– Когда я вырасту, я никому не дам тебя в обиду, – пообещал малыш.

– Да, сынок, когда ты станешь большим и сильным, ты отомстишь за все обиды, – пробормотала Ранда, обняв сына и бросив недобрый взгляд вслед умчавшемуся всаднику.

* * *

Корлунг очнулся внезапно. В очаге трещал огонь, освещая просторное помещение. Пошевелившись на мягком ложе, он почувствовал, что рядом под медвежьей шкурой лежит еще кто-то, прижавшись к его спине. И этот кто-то был полностью обнажен, как и он сам.

Корлунг повернул голову. За спиной лежала женщина. Та самая. Проснувшись от его движения, женщина приподняла голову и открыла глаза.

– Что ты делаешь? – спросил Корлунг по-арамейски.

– Согреваю тебя, – ответила женщина, обняв его еще крепче. – Самый лучший способ согреть мужчину – это положить рядом с ним женщину.

– Наверное, ты права, – согласился Корлунг. – Сейчас я чувствую себя намного лучше.

– Но ты все еще очень слаб. Спи.

Корлунг послушно опустил голову к изголовью. Неожиданно женщина спросила:

– Скажи, почему ты тогда убил всех своих товарищей?

– Они не были моими товарищами, – ответил Корлунг. – Они были разбойниками, убийцами и насильниками. У меня не было причин для жалости.

– Почему же ты не убил меня? Пожалел? Зачем отпустил?

– Наверное, затем, чтобы спустя несколько лет ты спасла меня, – произнес Корлунг и снова провалился в забытие.

Проснулся он так же внезапно, как и в первый раз. Женщина стояла перед ложем, спиной к нему. Отблески огня играли на изгибах ее обнаженного тела. В первый миг при виде стройного девичьего стана Корлунгу подумалось, что он снова бредит. Завороженно он ощупывал глазами прекрасное тело арамейки, не в силах зажмуриться или отвести взгляд.

Женщина быстро накинула длинное платье, скрыв под грубой тканью все свои прелести, и наваждение исчезло.

– Ты считаешь, что твое тепло мне больше не нужно? – спросил Корлунг.

Женщина обернулась.

– Ты подсматривал? – нахмурилась она.

Тон ее голоса был скорее шутливый, даже игривый.

– Немножко, – с улыбкой признался Корлунг.

Он протянул к ней руку.

– Иди ко мне. Мне кажется, я еще недостаточно согрелся.

Женщина рассмеялась и отступила на шаг.

– А мне кажется, что ты уже достаточно ожил, даже слишком, так что теперь грей себя сам. Вот твоя одежда.

Она бросила Корлунгу его штаны и рубашку, высушенные у очага, и отвернулась.

– Одевайся. Я приготовлю нам поесть.

– Как тебя зовут? – спросил Корлунг, натягивая рубаху.

– Ния, – назвалась женщина.

– Слишком короткое имя для арамейки, – заметил Корлунг.

– Много ли ты видел арамейцев? – поинтересовалась Ния. – Мне кажется, ты впервые в наших краях, иначе не пришел бы сюда среди зимы почти голым.

– Да, так далеко на полночи я никогда еще не был, – признал Корлунг. – Но арамейцев уже повидал немало. На поле боя.

– А как твое имя?

– Корлунг.

– Как? – не расслышала Ния. – Коруг? Или Хорруг?

– Называй, как хочешь, – отмахнулся Корлунг. – Вы, арамеи, все равно всегда все переиначиваете на свой лад.

– Как скажешь, Хорруг, – игриво усмехнулась Ния, словно дразня его.

Это напомнило Корлунгу Мирру. Он тяжело вздохнул, поднимаясь с ложа. Никогда больше не увидит ему озорной блеск в зеленых глазах вечно юной ириады. Вся прошлая жизнь осталась далеко позади, как сон, и возврата уже не будет. Пусть эта женщина называет его Хорругом, он примет это новое имя для новой жизни.

– У меня был сверток, – сказал каданг. – Где он?

Ния пожала плечами.

– Я не видела никакого свертка.

Корлунг подошел к женщине, собиравшей на стол, схватил ее за плечи, развернул лицом к себе и сурово посмотрел ей в глаза.

– Мне нужен этот сверток, – жестко произнес он.

Ния спокойно выдержала его тяжелый взгляд.

– Я не знаю, где он, – сказала она. – Там было что-то ценное?

– Да.

Корлунг принялся натягивать сапоги.

– Одевайся, – приказал он Ние. – Мы должны найти его. Наверное, он все еще там, в снегу, где ты подобрала меня. Сможешь отыскать это место?

– Смогу, но ты должен хотя бы поесть. Ты очень слаб.

– Нет времени. Идем.

В этот момент снаружи послышались голоса.

– Кто это? – насторожился Корлунг.

– Кажется, мой брат вернулся с охоты со своими товарищами.

Дверь распахнулась, и в дом вошли трое рослых арамеев. У каждого на поясе висел длинный кинжал, один держал лук. Лучник повесил свое оружие на стену и кивнул Ние.

– Радуйся, сестричка, сегодня будем лакомиться кабанятиной. Разделай тушу и займись обедом, мы голодны.

Женщина послушно накинула на плечи меховой плащ, взяла в руки топор и вышла наружу.

– Ты кто? – весьма недружелюбно осведомился все тот же арамей, смерив Корлунга взглядом.

– Гость, – мрачно отозвался каданг.

– Собирайся и проваливай отсюда, гость, – с ухмылкой приказал арамей.

– Не ты привел меня сюда, не тебе и прогонять, – с вызовом ответил Корлунг.

Арамей снова ухмыльнулся.

– Хорошо, – кивнул он. – Мы попросим мою милую сестричку, чтоб она дала тебе хорошего пинка под зад, гость. Вряд ли она нам откажет.

Арамеи расхохотались, довольные словами своего товарища. Все трое уселись вокруг стола.

С улицы вошла Ния, в руках ее была большая чаша с сырым мясом.

– Сколько можно тебя ждать? – недовольно проворчал брат. – Мы жрать хотим! И скажи своему гостю, чтобы выметался из моего дома.

– Позволь ему остаться, – попросила Ния. – Он слишком слаб.

– Пусть набирается сил в другом месте.

Ния виновато взглянула на Корлунга и тихо сказала:

– Извини. Тебе придется уйти.

Корлунг молча потянулся за своим плащом. В этот момент брат Нии попросил одного из своих товарищей:

– Покажи мне его.

Тот положил на стол знакомый Корлунгу сверток и развернул сукно. В отблесках очага блеснула полированная сталь клинка.

– Отличный меч! – восхищенно произнес брат Нии, взяв клинок в руки. – Настоящая сталь! Достойный подарок для князя.

– Положи, – глухо потребовал Корлунг.

– Ты еще здесь?! – прорычал хозяин дома, бросив взгляд в его сторону. – Убирайся, пока я не проломил твою тупую башку.

– Положи! – с угрозой повторил каданг.

Пламя очага отразилось в его бесцветных глазах злыми огоньками. Ния испуганно закусила губу.

– Что?! – бешено взревел арамей, поднимаясь на ноги.

– Этот клинок выкован не для тебя, – со злобой произнес Корлунг, приблизившись.

– Не убивай их! – вскрикнула Ния.

Двое других арамеев одновременно вскочили из-за стола. Корлунг выхватил скамью из-под ног ближайшего и мощным ударом отшвырнул его к стене. Опрокинув стол, он сбил с ног другого. Брат Нии взмахнул мечом, однако Корлунг увернулся, перехватил руку арамея, переброшил его через себя и впечатал в пол. Острие стального клинка впилося в горло арамея. Его товарищи, уже поднявшиеся, замерли в нерешительности.

– Не надо! – взмолилась Ния. – Прошу тебя!

Бросив в ее сторону мрачный взгляд, Корлунг сказал поверженному противнику:

– Это мой клинок, моим он и останется. Хочешь возразить?

– Пожалуй, нет, – прохрипел арамей.

Корлунг убрал меч от его горла.

– Благодарю тебя, – прошептала Ния.

Ее брат сел на полу и потер ладонью горло.

– Как тебя зовут, гость? – спросил он, поднимаясь на ноги.

Каданг кивнул Ние.

– Скажи ему, как ты меня назвала.

– Его зовут Хорруг, – сообщила Ния арамеям. – Он воин. Настоящий воин.

– А сейчас этот воин хочет есть и надеется на ваше гостеприимство, – мрачно добавил сын Геранды из Кем-Парна, нареченный отныне Хорругом.

Арамеи переглянулись. Неожиданно брат Нии расхохотался и хлопнул гостя по плечу.

– Садись за наш стол, Хорруг! Поторопись, Ния, наш гость голоден!

Стол поставили на место, и Хорруг присоединился к арамеям.

– Я Аррелий, – назвал брат Нии. – Это мои друзья Сертоний и Киродий. Откуда ты, Хорруг?

– Издалека, – неохотно ответил гость.

– Ты с заката? – спросил Сертоний. – Похоже, ты из кадангов.

Под левым глазом арамея белел рубец от шрама, правое ухо было разорвано. Видимо, Сертонию доводилось бывать в жарких схватках.

– Ты прав, – не стал отрицать Хорруг.

– Неплохо говоришь по-арамейски, – заметил Киродий. – Уже бывал в наших краях?

Хорруг покачал головой.

– Нет, встречал арамеев в Ногаре.

– Стало быть, ты воин, – уточнил Аррелий. – На чьей стороне бился?

– На своей, – мрачно ответил каданг.

По дому распространился аппетитный запах жареного мяса. Через некоторое время Ния поставила на стол большое блюдо.

– Извини, Хорруг, не могу угостить тебя ни вином, ни хлебом, – произнес Аррелий. – Летняя добыча была слишком скудна. До первых ручьев придется туже затягивать пояса. По весне снова отправимся в поход.

– Вы живете одними набегами? – поинтересовался Хорруг.

– Хочешь назвать нас разбойниками? – оскорбился Киродий.

Хорруг пожал плечами.

– Просто спросил. Я впервые в арамейских землях и не знаю, как живут ваши племена.

– Узнаешь, если будет время, – сказал Аррелий. – Как надолго ты в наших краях?

Хорруг снова пожал плечами.

– Как получится.

Накрыв на стол, Ния собралась уйти, но Хорруг удержал ее за руку.

– Сядь рядом со мной, – попросил он.

Арамеи помрачнели. Женщина поспешно выдернула руку из пальцев каданга и скрылась в своем углу, задернув полог.

– Я что-то не так сказал? – недоуменно спросил Хорруг. – Ваша вера и обычаи не позволяют женщине сидеть за одним столом с мужчиной?

– Ей нельзя сидеть за одним столом с другими, – хмуро сказал Аррелий. – Она осквернена.

– Она побывала в плену у ногаров, – более подробно объяснил Сертоний. – Несколько недель она сопровождала ногарский легион и солдаты пользовали ее вдоль и поперек.

– Она вернулась пару лет назад, – произнес Аррелий, тяжело вздохнув. – Я должен был бы прогнать ее прочь, но... В конце концов, она моя сестра.

Хорруг поднялся, отложил несколько кусков мяса в деревянную миску.

– Может быть, ее и осквернили, но она не кабацкая шлюшка, – зло сказал он. – Эта женщина спасла мне жизнь, а недавно уберегла и ваши от моего клинка.

Сказав это, Хорруг взял миску и зашел за полог. Ния забилась в самый угол, сжавшись в комок. Хорруг присел рядом с ней.

– Если тебе нельзя сидеть со мной за общим столом, тогда мне придется сесть рядом с тобой, – произнес Хорруг и протянул ей миску. – Поешь со мной.

– Прости, – тихо сказала Ния, пряча взгляд. – Я должна была сразу сказать тебе.

– О чем? – отозвался Хорруг. – Моя память крепка, я еще не забыл, как вместе с разбойниками отбил тебя у ногарских солдат. Мне не хуже тебя известно, для чего служат пленницы в воинских отрядах.

– И ты не брезгуешь мною? – осторожно спросила Ния. – Не презираешь?

– У меня нет причин для этого. Не твоя вина, что ты оказалась в рабстве.

– Моя вина в том, что я слишком долго была рабыней, – с горечью произнесла Ния. – Я должна была покончить с собой.

– Тогда никто не вытащил бы меня из снега и я замерз бы в лесу. Не вини себя ни в чем.

Хорруг ободряюще погладил Нию по плечу.

– Я не дам тебя в обиду, – пообещал он. – Никому.

* * *

На широком дворе князя Саратония царило оживление. Едва на лесных полянах под лучами весеннего солнца зачернели первые проталины, арамеи собрались в очередной набег на земли степных жителей и к терему князя со всей округи потянулись мужчины племени, рассчитывавшие получить свою долю добычи в предстоящем походе. Большинство были пешими – как правило, гиппарионов, добытых в предыдущих походах, попросту съедали зимой. Саратоний в сопровождении сотника Килония лично отбирал воинов.

– Тороний, это твой сын? – спросил князь огромного мужчину в безрукавке из волчьей шкуры, рядом с которым стоял высокий стройный юноша.

– Да, князь, – ответил великан. – Это Демилий, мой старший. Пришла пора и ему стать настоящим мужчиной.

– Добрый будет воин, – одобрительно кивнул князь.

Во двор вошел Аррелий в сопровождении своих друзей. Вместе с ними пришел Хорруг. Облаченный в грубые одежды из звериных шкур, по виду он мало отличался от арамеев.

– А вот и лесные отшельники, – усмехнулся князь. – Мир вам, братья!

– И тебе мир, княже, – ответил Аррелий.

– Все ли ладно в лесу? – шутливо спросил Саратоний.

– Олени еще не перевелись, – рассмеялся Сертоний.

– Кого это вы привели с собой? – мрачно поинтересовался Килоний.

– Можешь спросить меня сам, – вместо арамеев ответил Хорруг. – Язык у меня есть.

– Похоже, очень длинный язык, – неприязненно заметил Килоний.

– Не длиннее моего меча, – отозвался Хорруг.

Килоний хотел еще что-то сказать, но князь остановил своего сотника и спросил Хорруга:

– Откуда ты? Ни обликом, ни говором на арамея ты не похож.

– Я каданг. Мое имя Хорруг.

– Он воин, – вставил Аррелий. – Мы просим, князь, принять его в войско.

– Слыхали о тебе, – проворчал Килоний, смерив чужеземца взглядом. – Ты живешь в доме Аррелия с опозоренной женщиной, которую ее брату давно следовало бы изгнать, как шелудивую собаку.

Аррелий нахмурился.

– Как жить моей семье, я решаю сам, – жестко произнес он, недобро глядя на княжеского сотника.

– Его сестра опозорена лишь тем, что мужчины рода со своим князем не могут защитить своих женщин, – сказал Хорруг, глядя Саратонию прямо в глаза.

– Гони его прочь, князь! – прорычал Килоний, схватившись за рукоять меча. – У арамеев достаточно достойных мужей, способных держать оружие. Нам ни к чему чужеземцы.

Саратоний усмехнулся.

– Что скажешь на это, Хорруг? – спросил он.

– Можешь испытать меня, – ответил каданг.

– Дозволь мне, княже, – попросил Тороний.

Саратоний кивнул. Арамеи расступились в стороны, освободив место для поединка. Все, кто был на княжьем дворе, оставили свои дела и подошли поближе.

Обнажив меч, Тороний вступил в круг. Огромный арамей был на две головы выше Хорруга, однако на лице каданга не было ни тени сомнения.

Клинка зазвенела, сшибаясь раз за разом. Несмотря на внушительные размеры, арамей ничуть не был похож на неуклюжего медведя, его движения были точны и стремительны, могучие удары градом сыпались на противника, и каждый мог бы расколоть бревно. Тем не менее Хорруг нисколько не уступал арамею в сноровке, его стальной клинок оставил множество глубоких зазубрин на лезвии бронзового меча Торония. Вскоре стало очевидно, что в искусстве владения мечом Хорруг явно превосходит противника.

Улучив момент, Хорруг отбил выпад Торония, поднырнул под его руку и ударил рукоятью меча в живот. На краткий миг арамей замешкался, но Хорругу вполне хватило этого мгновения. Он развернулся, оказавшись за спиной великана, и взмахнул мечом. Лезвие клинка коснулось шеи Торония.

– Увы, друг мой, ты обезглавлен, – сказал князь великану.

Все вокруг рассмеялись.

– Похоже на то, – проворчал Тороний, спрятав меч в ножны. – Неплохо дерешься, чужеземец, – заметил он Хорругу.

– Да и ты совсем не плох, – ответил ему Хорруг.

Тороний рассмеялся и хлопнул недавнего противника по плечу.

– Если спросишь меня, князь, то скажу, что нам этот парень пригодится, – объявил он Саратонию.

– Да будет так, – кивнул князь. – Ты можешь присоединиться к войску, Хорруг.

* * *

Менестрель перебирал струны арфы, наполняя просторный зал тихой спокойной музыкой. На ложе у низенького стола, заставленного блюдами с фруктами и кубками из цветного стекла, наполненными вином, возлежала молодая женщина. Не менее дюжины служанок окружали свою госпожу, готовые исполнить любой каприз повелительницы.

В покои императрицы вошла еще одна служанка. Приблизившись к ложу повелительницы, девушка поклонилась и сообщила:

– Стража привела человека, госпожа. Он просит о встрече с тобой.

– Командиры легионов уже собрались? – спросила императрица.

– Да, госпожа.

– А император?

– Он еще не возвращался из храма, госпожа.

– Что ж, пусть гость войдет.

Служанка поспешила к выходу. Вскоре порог переступил высокий мужчина с проседью в козлиной бороде и на висках, в черном длинном одеянии.

– Приветствую тебя, благородная Ксаннея, – мягко произнес незнакомец.

– Кто ты? – надменно спросила императрица, не считая нужным отвечать на приветствие.

Незнакомец проигнорировал вопрос. Окинув взглядом многочисленную прислугу, он сказал:

– Я предпочел бы вести разговор наедине. Поверь, ты заинтересована в этой беседе не менее, чем я.

Ксаннея холодно усмехнулась и кивком головы приказала служанкам удалиться. Девушки незамедлительно исполнили приказ госпожи. Менестрель также покинул покои.

– Кто ты? – требовательно повторила свой вопрос Ксаннея.

– Мое имя Идигер, – назвал себя незнакомец.

– Судя поговору, ты хошим, – заметила императрица.

– Настали новые времена, грядет новая эпоха, и теперь мы предпочитаем называть себя хишимерами, – мягко поправил ее Идигер.

– Называйте себя, как хотите, мне нет до этого никакого дела, – отмахнулась ногарка. – Твоя одежда похожа на жреческую.

Идигер кивнул.

– Твоя пронизательность делает тебе честь, благородная Ксаннея. Я действительно служу Тоту, покровителю нашего царства.

– Темному покровителю, – уточнила Ксаннея, холодно усмехнувшись. – Ведь ваш Тот – бог Смерти.

– Это так, – не стал отрицать жрец. – Он один из семи богов Смерти. Но он могучий бог. Сейчас, когда весь мир охвачен войной, его сила очень велика.

– Не сомневаюсь. – Императрица снова усмехнулась. – Я слышала, что он пришел в ваши края вместе с Тенью Адатта.

– Тень привела с собой много новых богов, – ответил Идигер. – Старые боги покинули мир, людям нужны новые. Племена хошимов объединились, создали свое царство и избрали себе более могучего покровителя, чем духи полночных лесов. В служении ему народ Хишимерского царства достиг процветания.

– Так зачем же ты явился ко мне? – спросила Ксаннея. – Что тебе нужно?

– Я хочу предложить тебе услугу взамен на услугу.

Императрица рассмеялась.

– Я супруга повелителя огромной империи. У меня есть все! С чего ты решил, что меня заинтересует твое предложение?

– У меня нет ни тени сомнения, что ты заинтересуешься, – твердо сказал Идигер.

Ксаннея нахмурилась.

– Объяснись, жрец! – потребовала она.

Идигер самодовольно рассмеялся, ничуть не смущаясь тем, что императрица явно уязвлена его самоуверенностью.

– Не обманывай себя, – произнес он. – Империя твоего супруга уже не так велика, как в былые времена. Ногара утратила Черный берег, Наккату, Потан и полночные провинции. Часть ваших земель на полночи захватили мы и основали на них Хишимер – свое царство. Другие территории поделили меж собой ногарские аристократы и провозгласили себя царями. Ногарская империя рухнула, ее больше нет. Императорская власть признается лишь здесь, в Отоммосе, да и то формально. За стенами этого города каждый аристократ, каждый военачальник сам себе царь. Даже в союзе легионов нет единства, ваши полководцы не способны вести боевые действия сообща и противостоять многочисленным врагам.

Идигер прошелся по залу. Поступь его была тверда и уверенна, словно он чувствовал себя здесь полноправным хозяином.

– От прежней Ногары не осталось ничего. Союз легионов избрал императора, но это лишь формальность, у него нет никакой власти, и тебе это известно. Даже сейчас командиры легионов начали совет, не дождавшись повелителя вашей умирающей империи. Да и кого они поставили над собой? Твой муж – весьма сомнительная кандидатура на трон, признай это. Верховный жрец, дважды нарушивший обет безбрачия... Он молит о помощи богов, давно покинувших эту землю... Слабый человек во главе слабой державы.

Жрец Тота рассмеялся.

– Может быть, и так, – холодно произнесла Ксаннея. – Но на мой век хватит и той власти, что есть. Тебе нечего мне предложить.

Идигер вновь рассмеялся.

– Вот еще одно доказательство полного упадка вашей империи. Прежние правители пеклись о процветании державы, о ее могуществе на долгие времена, нынешних же заботит лишь собственное благополучие. Но уверена ли ты, что это твое благополучие продлится достаточно долго?

Императрица поднялась.

– Ты чересчур красноречив, жрец, – неприязненно заметила она, – Уверен ли ты сам, что сможешь покинуть дворец целым и невредимым? Стоит мне подать сигнал страже, и ты окажешься в подземелье, где за твои дерзкие речи палачи превратят тебя в жалкий обрубок.

– Смерть не страшна тому, кто служит одному из ее богов, а боль я терпеть умею, – невозмутимо заверил Идигер императрицу.

Ксаннея нахмурилась. Самоуверенность чужеземца раздражала ее все больше.

– Я до сих пор не услышала о цели твоего визита, – напомнила императрица.

– Не торопи меня, – отозвался жрец. – Я хочу, чтобы ты верно оценивала обстановку, это поможет тебе принять правильное решение.

– Ну и что же такого ты еще хочешь сказать, чего я, по-твоему, не знаю?

– Знаешь, только не хочешь понять и боишься принять, – поправил Идигер. – Более ста лет назад из недр Аддатта взошла Тень. Империя смогла ее остановить, но не смогла уничтожить. Последствия ты можешь видеть сама – старый мир разрушен, но упорно сопротивляется, не желая уступать место новому. Несмотря ни на что, цивилизацию ногаров уже не возродить, она доживает свои последние дни. Но дни эти можно продлить. Старая Ногара раздроблена, там все еще идет кровопролитная война между приверженцами старой веры, последователями Тени и пустынноиками Ардоны и Каттана. Прибрежные города Новой Ногары на закате вынуждены платить дань кадангам, а здесь берег непрерывно штурмуют мораги, которых направил Горронг в ответ на дерзость ваших жрецов. Поверь, бог моря чересчур мстителен и еще не раз ответит на брошенный ему вызов. Легионы распались, каждый ведет свою собственную войну. Просторы вашей бывшей империи опустошены, люди гибнут тысячами, повсюду голод и мор. Достаточно всего лишь одного нового врага сверх тех, что уже имеются, чтобы окончательно сокрушить империю. И враг этот скоро придет.

– Кого ты имеешь в виду? – насторожилась Ксаннея.

– Арамеев.

Императрица пренебрежительно фыркнула.

– Варвары с незапамятных времен вторгались к нам с полуночи. Кучка лесных разбойников не свалит империю, даже такую расшатавшуюся.

– А если эти разбойники придут в Ногару всем скопом?

– Чего ради?

– Ледяное дыхание Имира достигло полуночных лесов. Ледник неумолимо надвигается на земли Севера. Каждая новая зима там суровее предыдущей. Арамеям неизбежно придется искать новые земли, и они придут сюда. Арамейские племена объединятся, как некогда объединились мы, и ворвутся в Ногару всей своей силой. Империи просто не хватит сил сдержать их натиск.

– И что же ты хочешь предложить? – осторожно поинтересовалась Ксаннея.

– Ногаре нужен надежный заслон с полуночи. Я могу дать вам такой заслон.

– И кто же, по-твоему, может защитить полуночные рубежи Ногары? – продолжала спрашивать императрица.

– Мы, хишимеры, станем вашим щитом, – ответил жрец.

– Вы?! – удивилась Ксаннея.

– Да, мы, – спокойно подтвердил Идигер. – Сейчас, когда Ногара обескровлена, только наша армия может противостоять арамеям.

– Кто прислал тебя? – поинтересовалась Ксаннея. – Твой царь?

– Я действую по воле своего бога, – гордо ответил Идигер. – Он направил меня к тебе.

– Почему же именно ко мне? – с усмешкой спросила императрица. – Не я правлю этой страной.

Идигер рассмеялся.

– Этой страной вообще никто не правит, – ответил он. – Но твой супруг, хоть и не в полной мере, является императором. Ты должна убедить его отправить посольство к моему царю.

– Должна? – недоуменно и оскорбленно переспросила Ксаннея.

– Должна! – жестко повторил жрец. – Это и в твоих интересах.

– Хошимы ничего не делают задаром, – заметила Ксаннея.

– Хишимеры, – поправил ее жрец.

– Это не имеет значения. Вы могли поменять название, но не суть. Сотни лет твой народ жил одними грабежами. Твой царь не пошлет войска на защиту рубежей Ногары просто так, по просьбе императора.

– Разумеется, вам придется расплатиться, – согласился жрец. – Расплатиться золотом.

Императрица расхохоталась.

– Этого следовало ожидать. Считай, что сделка не состоялась. В казне Ногары нет столько золота, чтобы нанять армию царя Азгадера.

– В казне его, может быть, и нет, – невозмутимо кивнул жрец. – Зато полно в другом месте.

– Поясни, – потребовала императрица.

– Твой супруг знает, где скрыто золото Бельфеддора.

Ксаннея недоверчиво фыркнула.

– Золото Бельфеддора – это миф. Многие пытались отыскать этот клад, но никому еще не удавалось.

– Потому, что не знали, где искать. Твой император знает.

– Тебе-то откуда известно? Даже я никогда не слышала об этом.

– Ты очень недоверчива, – с усмешкой заметил жрец и погладил свою бородку. – Хочешь доказательств? Изволь. Наши воины перехватили небольшой отряд ногаров, пробиравшийся к побережью. При них нашли много золотых монет старинной чеканки. Один-единственный выживший в схватке ногар признался, что отряд был в подземелье Бельфеддора по заданию самого императора. Показать дорогу к затерянному городу он не успел, умер от ран.

– Или от пыток, – язвительно добавила Ксаннея. – Всем известно, как варвары допрашивают пленников.

– Не более жестоко, чем вы, – невозмутимо ответил Идигер. – Как бы то ни было, императору известен путь к золоту Бельфеддора. Ни Ногаре, ни ее правителю этого золота все равно не видать – затерянный город слишком далеко, и караван в любом случае достанется рунгумнам, пустынным, нам или кому-то еще. Лучше использовать знание твоего мужа с пользой для всех.

– Если верить легенде, сокровища Бельфеддора столь велики, что на них можно купить целое царство, – заметила Ксаннея. – Не слишком ли жирный кусок ты хочешь получить?

Жрец пожал плечами.

– Выбор у вас не велик. Арамеи грабят ногарские земли почти до самого побережья, им известны все дороги и тропы бывшей империи. Если они объединятся и выйдут из своих лесов, их армия очень скоро окажется под стенами столицы. Так что либо император отдаст моему царю золото Бельфеддора, либо Ногара падет в обозримые сроки.

– Арамейская угроза существует только в твоих предположениях, – произнесла Ксаннея. – Может быть, все случится именно так, как ты говоришь, а может, не случится никогда. Пока я не вижу причин, чтобы озолотить царя Азгадера.

– Когда эти причины появятся, будет слишком поздно. Пророки же говорят, что в лесах арамея уже появился человек, который станет их царем.

– Ну а какая выгода лично мне?

Идигер рассмеялся.

– Я ждал этого вопроса. Добродетель не твоя стезя, и алчность тебе совсем не чужда.

– Не более, чем тебе, – неприязненно заметила Ксаннея.

Идигер снова рассмеялся.

– Не беспокойся, мне есть что предложить лично тебе.

– И что же?

– Икестоса.

Ксаннея вздрогнула. Упомянутый хишимером Икестос был командиром одного из столичных легионов. Молодой воин напрочь лишил императрицу сна, каждую ночь женщина грезила о крепких руках и ласках широкоплечего красавца. В редкие моменты встреч на пирах Икестос также бросал неоднозначные взгляды в сторону супруги своего повелителя, однако демонстрировал предпочтение царевне Немее – падчерице Ксаннеи, дочери императора Нока-

тотоса от первого брака. Девушка явно отвечала Икестосу взаимностью, чего до сей поры еще никто не удостоивался. Неземная красота царевны сводила с ума молодых ногарских аристократов, но лишь Икестосу удалось добиться ее благосклонности. Наблюдая украдкой за молодыми людьми, гуляющими по тенистым дорожкам дворцового сада, Ксаннея терзалась муками ревности, а душу ее омрачала черная зависть. Более всего императрицу угнетала и бесила невозможность соперничества с царевной. Ксаннея была всего лишь на несколько лет старше падчерицы, и многие преклонялись перед красотой молодой супруги своего императора, однако даже она была вынуждена признать превосходство Немеи в этом отношении. А кроме того, Ксаннею связывали узы брака, что делало еще менее вероятной возможность отбить предмет своего обожания у соперницы, об этом даже и помыслить было нельзя. Император Нокатотос действительно был слаб как правитель развалившейся Ногарской империи, однако являлся могучим магом и довольно властным человеком, благодаря чему и совмещал императорский трон с креслом верховного жреца. Если бы Нокатотос вдруг узнал, во власти каких грез пребывает его супруга, наказание было бы незамедлительным и жестоким.

Все это в один миг пронеслось в голове Ксаннеи. Она никогда и никому не открывала своих истинных чувств к молодому воину и была поражена, что об этом известно чужеземному жрецу.

– Я не понимаю тебя, – сказала Ксаннея, справившись с собой.

– Достаточно того, что я тебя понимаю, – ответил Идигер.

Он приблизился вплотную к императрице и произнес:

– Отдай мне золото Бельфеддора, и я отдам тебе Икестоса. Я жду твоего решения три дня. Найдешь меня в трактире «Красная скала».

* * *

Обоз медленно продвигался в хвосте отряда. Поход длился уже несколько недель, однако добыча оставляла желать лучшего – повозки, отнятые у крестьян в захваченных селениях, были заполнены едва наполовину.

Хорруг шел пешком в середине обоза, рядом верхом на гнедом гиппарионе ехал Аррелий.

– Почему ты до сих пор не добыл себе коня, дружище? – спросил арамей. – У тебя уже не раз была такая возможность.

Хорруг пожал плечами.

– Зачем мне конь? Только лишние хлопоты – корми его, чисти...

– Пешком ты не захватишь богатую добычу. А коня в крайнем случае можно и продать.

– Кому продать? – Хорруг усмехнулся. – Вы, арамей, – нищие, и грабите таких же нищих.

В итоге все остается ни с чем.

– Я заметил, ты не очень-то жаждешь драться, – произнес Аррелий.

– А я заметил, что мне не с кем драться. Да и не для чего. Я убивал своих врагов, чтобы выжить самому. Ваши же битвы лишены всякого смысла.

– Ты не прав, – возразил Аррелий. – Мы тоже сражаемся, чтобы выжить.

Хорруг покачал головой.

– Не пытайся обмануть сам себя. Ваши военные походы – всего лишь грабеж и разбой.

– Пусть так, но не делай мы этого, наши семьи умерли бы от голода.

– Попробуйте сами себя прокормить, как жители равнины, которых вы грабите, – предложил Хорруг.

Аррелий покачал головой.

– Ты видел, где мы живем. У нас нет ни лугов, где мог бы пастись скот, ни полей, где мы могли бы растить урожай, лишь дремучие леса. Мы не в состоянии запасти достаточно корма для боевых гиппарионов, в конце зимы большинство приходится забивать на мясо. Одной охо-

той не прожить, приходится выходить в степь. Не ты первый додумался, что можно осесть на земле. Некоторые арамейские роды покинули леса и ушли жить на равнину, но попали в рабство к правителям ногарских провинций, многих перебили. Пусть уж лучше нас считают разбойниками, но рабами арамеи не станут.

Хорруг вздохнул и в свою очередь покачал головой.

– Так не может продолжаться вечно, – заметил он.

В этот момент князь Саратоний, ехавший во главе своей дружины, натянул поводья и вскинул руку, подавая сигнал всему отряду. Всадники остановились, встал и обоз.

Поднявшись на повозку, Хорруг окинул равнину взглядом из-под ладони. Аррелий тоже пристально взгляделся вдаль, привстав на стременах. Из степи к отряду быстро приближались два всадника.

– Лазутчики, – опознал их Аррелий. – Князь посылал их на разведку. Поеду, узнаю, какие новости.

Он пришпорил гиппариона и присоединился к остальным воинам, окружившим князя.

Хорруг уселся на козлы повозки. Поглаживая усы и бороду, он смотрел на арамеев и думал о бессмысленности всего происходящего.

Поход арамеев за весенней добычей проходил утомительно, вызывая лишь смертельную тоску. До сих пор дружина не встретила сколько-нибудь достойного сопротивления, однако добычи это не принесло практически никакой. Вся ногарская равнина была разорена многолетней войной, амбары в селениях пустовали, многочисленные отряды ногарских солдат, кочевых племен и разбойников уже разграбили зимние запасы крестьян. Пашни зарастали бурьяном, всюду царило запустение.

Захватить богатую добычу возможно было лишь в крупных городах Ногары, но такие крепости были не по зубам малочисленной дружине князя Саратония. Даже на открытой местности войска ногарских правителей без особого труда могли бы разгромить отряд арамеев из двухсот клинков – нечего было и думать идти штурмом на крепостные укрепления. Большинство городов развалившейся Ногарской империи не подчинялись власти императора, особенно здесь, в полуночных провинциях, каждый город жил своей жизнью под управлением собственного царя и аристократии, многие вели затяжные войны не только с кочевниками и лесными варварами, но и меж собой. Однако для арамейских дружин они оставались неприступными крепостями.

Стойбища гиппитов и других кочевых племен также приходилось обходить стороной, ибо они и сами были не прочь поживиться легкой добычей.

Времена процветания Ногарской империи, о которых Хорруг слышал когда-то от старого Арденга и дуба-отца, давно канули в прошлое. Ныне вся ногарская равнина жила лишь грабежом и разбоем, как и побережье. Столетняя война опустошила полуночные земли рухнувшей империи, мор и голод неумолимо выкашивали жителей равнины наравне с клинками многочисленных грабителей.

– Не спи, дружище, нас ждет бой! – окликнул Хорруга подъехавший Аррелий.

– Что говорят лазутчики? – поинтересовался Хорруг.

– Впереди большое селение. Похоже, мы первыми наведаемся туда этой весной, так что наверняка там есть, чем поживиться.

– Смотрите не подавитесь, – мрачно посоветовал Хорруг.

Аррелий расхохотался.

– Князь берет с собой только всадников, – сообщил он. – Пешие воины остаются с обозом. Если хочешь, могу взять тебя в седло. Мой гиппарион выдержит двоих.

Хорруг махнул рукой.

– Езжай сам, а я останусь здесь. Мне ваша возня уже наскучила.

Аррелий снова расхохотался.

– Не унывай, дружище! – воскликнул он и хлопнул каданга по плечу. – Какой трофей тебе привезти в подарок?

– Подарки девицам делать будешь, – отмахнулся Хорруг. – А назад привези самого себя, ты еще нужен Ние.

При упоминании о сестре Аррелий сразу посерьезнел.

– У меня к тебе просьба, друг, – сказал он. – Если я не вернусь из этого похода, не оставляй мою сестру без защиты. Она не может стать тебе женой, но оставь ее при себе хотя бы служанкой.

– Не рано ли ты себя хоронишь? – усмехнулся Хорруг.

Аррелий пожал плечами.

– Мы уже давно не забирались так далеко в земли Ногары, всякое может случиться.

Хорруг коснулся ладонью рукояти своего меча, затем взглянул арамею в глаза и произнес:

– Ты вернешься из этого похода. Это я тебе обещаю.

Аррелий ничего не ответил. Пришпорив гиппариона, он присоединился к остальным всадникам. Вскоре отряд в сотню клинков во главе с князем Саратонием помчался по степи.

* * *

Жрец Идигер неподвижно сидел в жестком деревянном кресле с высокой спинкой, устремив взгляд на ровное пламя стоявшей на столе свечи, когда раздался стук в дверь.

– Войди, – разрешил жрец.

В комнату осторожно вошел молодой трактирный слуга.

– Тебя хочет видеть женщина, – сообщил он.

– Она одна? – спросил жрец.

– Ее сопровождают несколько слуг. Похоже, она богата, хотя одета так, будто старается казаться простолюдинкой.

Идигер кивнул.

– Пусть войдет.

Слуга скрылся за дверью, а вскоре в комнату вошла женщина, с головой закутанная в шерстяное покрывало.

Идигер поднялся на ноги и чуть склонил голову.

– В такую погоду, должно быть, довольно жарко прятаться под покрывалом, – заметил он.

– Супруге императора не пристало открыто приходить в трактир к чужеземному жрецу, – последовал ответ.

Ксаннея распахнула покрывало, спустила его на плечи.

– Присаживайся. – Жрец указал на кресло у стола. – Если хочешь, тебе принесут вина.

Императрица покачала головой.

– Я пришла не для того чтобы разделить с тобой трапезу. Не будем тянуть время, покончим с нашим делом поскорей.

Ксаннея опустилась в предложенное кресло. Идигер вернулся на свое место и спросил:

– Тебе есть, что сказать?

– Золото Бельфеддора твое.

Жрец усмехнулся и погладил свою бородку.

– Император колебался? – поинтересовался он.

– Ты получил то, что хотел, – холодно ответила императрица. – К чему лишние вопросы?

Идигер снова усмехнулся.

– Считай это простым любопытством.

– Если тебе от этого станет легче, император очень недоволен, что приходится идти на такую сделку.

– Судя по твоему тону, ты тоже не в восторге, – сухо заметил жрец.

Ксаннея оставила его замечание без ответа.

– Императору нужны гарантии, – сказала она.

– Какие гарантии ему нужны? – спросил Идигер.

– Он отправит посольство в Хорум. Там ваш царь поклянется именем вашего бога, что не переступит нынешних границ Ногары и направит свою армию против арамейев в обмен на золото Бельфеддора. Только тогда император отправит в Хорум человека, который укажет дорогу к затерянному городу.

– Разумное требование, – с усмешкой согласился Идигер. – Клятвопреступление не прощает ни один бог. Но тревога императора напрасна. Я не менее его заинтересован, чтобы арамеи никогда не вышли из своих лесов.

– Скажешь, почему? – осторожно спросила Ксаннея.

Идигер ответил не сразу. Усмешка исчезла с его лица. Некоторое время он пристально смотрел на пламя свечи.

– Среди арамейев есть человек, способный изменить судьбу всего побережья, – наконец произнес жрец. – Процветание Хишимера в этом случае окажется под вопросом.

– А что будет с Ногарой? – насторожилась Ксаннея.

– Ничего, – безразлично ответил Идигер. – Ногары просто не будет. Впрочем, ваша цивилизация исчезнет в любом случае.

– Но кто этот человек?

– Если бы я это знал, давно уже вырвал бы ему сердце, – мрачно произнес жрец.

На некоторое время вновь воцарилось молчание. Неожиданно Идигер хлопнул ладонью по столу так, что пламя свечи дрогнуло и заколебалось, заставив качнуться тени на стенах комнаты. Жрец взглянул на женщину и произнес:

– Император получит свои гарантии. Когда посольство выходит в Хорум?

– Ты кое-что обещал мне за услугу, – напомнила Ксаннея.

– Я не забыл свое обещание, – кивнул Идигер.

Из складок своего просторного одеяния хишимер извлек крохотный кисет, перетянутый кожаным шнурком, и положил на стол перед женщиной.

– Что это? – недоуменно спросила Ксаннея.

– Не советую пробовать самой, – с усмешкой ответил жрец.

– Яд?! – ужаснулась ногарка.

Идигер снова кивнул.

– Вкусивший его угаснет медленно и безболезненно. Я мог бы дать тебе перстень с секретом, но новое украшение может привлечь ненужное внимание и вызвать подозрения. Решись сама, каким способом применить снадобье.

– Зачем мне твоё зелье? – Ксаннея с отвращением отодвинула кисет. – Мне некого потчевать твоей отравой.

– Ты в этом уверена? – Жрец снова усмехнулся. – Подумай хорошенько.

– Говори прямо, что ты имеешь в виду? – сердито потребовала императрица.

– Ты хочешь заполучить Икестоса, но у тебя есть соперница. Разве не будет лучше, если ее не станет?

– Я не пойду на это! – гневно воскликнула Ксаннея.

– Ты боишься? – невозмутимо спросил Идигер.

– Я не собираюсь становиться убийцей, – отрезала женщина.

– Только потому, что она дочь императора? – все так же невозмутимо поинтересовался жрец.

Императрица бросила на него взгляд, полный ненависти и злобы.

– Ты обманул меня! – гневно прошипела она.

– Ты сама себя обманываешь. Только переступив через собственный страх, ты сможешь добиться цели. Я дал тебе средство, остальное за тобой. Не спеши проклинать меня, позволь сначала обрисовать ситуацию.

Императрица ничего не ответила, продолжая сверлить гневным взглядом чужеземца, словно пыталась испепелить его. Восприняв молчание женщины как согласие, Идигер спокойно продолжал:

– Пока все остается так, как есть сейчас, ты ни на шаг не приблизишься к Икестосу и не приблизишь его к себе. Нокатотос гораздо проницательней, чем тебе кажется – рано или поздно он догадается о твоих тайных желаниях. Для императора Икестос, безусловно, может быть интересен как возможный зять и достойный преемник на троне, но не как соперник. Если твой супруг хоть что-то заподозрит, он разделается и с Икестосом, и с тобой, и ты это знаешь. Знаешь, потому и боишься. Но если Немея исчезнет, все изменится. Император слишком привязан к своей дочери и, потеряв ее, в своей печали отстранится от всего. Икестос неравнодушен к царевне, но его вниманием владеешь также и ты, хоть и в меньшей степени. Императору уже не будет дела до того, что происходит вокруг, скорее всего, он спрячется от мира в стенах храма. Тогда ты сможешь приблизить Икестоса к себе без всяких опасений. И без лишнего труда. Как всякому дворянину и аристократу, ему не чужды амбиции, а связь с тобой упрочит его собственное положение при дворе. Нокатотос уже стар, его век недолог, так что фаворит самой императрицы с успехом может стать императором. Будь уверена, Икестос не упустит свой шанс.

– Ты говоришь так, словно все предвидишь наперед, – недовольно заметила Ксаннея. – Почему ты уверен, что все будет именно так?

– Я слишком хорошо знаю людей, – небрежно ответил Идигер.

– Если верить твоим словам, привязанность молодого аристократа к более знатной и состоятельной особе основана лишь на корысти.

– Именно так. Допускаю, что твоим избранником движут и другие чувства, но... Повторяю, не обманывай себя. Вспомни, как сама стала императрицей. Так ли уж велика была твоя любовь к человеку втрое старше тебя? Или было что-то еще?

Видя замешательство Ксаннеи, жрец самодовольно рассмеялся. Женщина нахмурилась.

– Такова наша людская сущность, – подытожил Идигер. – Все мы рабы своих страстей. Будь уверена, со временем Икестос тоже предаст тебя, как ты сейчас готова предать своего супруга. Но к тому времени ты уже научишься избавляться от неугодных фаворитов.

– Я еще не готова никого предать, – сердито заметила Ксаннея.

– Ты в этом уверена?

Идигер пристально посмотрел женщине в глаза. От его взгляда у Ксаннеи вдруг все затрепетало внутри, а по спине пробежал неприятный холодок. В борьбе взглядов Идигер играючи одержал верх. Императрице стоило немалых усилий, чтобы не отвести глаза и этим не проявить слабость перед чужеземцем.

– Решайся, – сурово произнес Идигер.

Ксаннея тяжело, прерывисто вздохнула, затем осторожно протянула руку к кисету и накрыла его ладонью. Помедлив некоторое время, женщина все же притянула смертельное снадобье к себе. Жрец холодно улыбнулся одними губами.

– Ты сделала свой выбор, – сказал он. – Так когда посольство выступит к Хоруму?

– На рассвете, – ответила императрица.

– Почему не в Мархаб? – поинтересовался жрец.

Женщина пожала плечами.

– Такова воля императора. Твой царь волен принять или отвергнуть его предложение.

Идигер кивнул.

– Мой царь будет в Хоруме.

* * *

Лагерь погрузился в сон, лишь часовые, выставленные по периметру стоянки, бодрствовали на своих постах.

Сидя у костра, Хорруг смотрел в огонь, изредка бездумно вороша угли прутиком. Из темноты слышались тяжелые шаги. К костру вышел Килоний. Сотник опирался на кривой костыль – он был ранен в последней схватке и остался в обозе вместе с остальными немногими арамейскими воинами. Килоний бросил свой плащ на землю возле костра и, отставив в сторону костыль, тяжело опустился на эту подстилку. Хорруг даже не повернул голову в его сторону. Некоторое время оба сидели молча, глядя в огонь, вдруг сотник спросил:

– Зачем ты здесь, чужеземец?

– Греюсь, – хмуро ответил Хорруг.

– Ты понял, что я имею в виду. Зачем ты отправился с нами в поход? Добыча тебе не нужна, в битву ты не рвешься... Что тебе нужно здесь?

Хорруг пожал плечами и все так же хмуро сказал:

– Не знаю.

– То-то и оно, что не знаешь, – проворчал сотник.

Хорруг взглянул на арамея и заметил:

– Вижу, ты ко мне равнодушен.

– Ты мне не нравишься, – откровенно признался Килоний. – От человека, покинувшего родину, можно ждать только неприятностей.

Хорруг снова пожал плечами.

– Пока что все ваши несчастья происходят отнюдь не из-за меня.

– Еще не вечер, – проворчал Килоний.

– Ну да, – кивнул Хорруг. – Уже ночь.

Из темноты слышались взволнованные крики.

– Сотник! Где сотник! – позвал кто-то.

– Я здесь! – крикнул Килоний в темноту. – Что случилось?!

На свет костра вышли несколько арамеев. Двое из них поддерживали окровавленного человека, едва передвигавшего ноги. В раненом Хорруг узнал одного из тех всадников, что отправились с князем Саратонием на захват поселения.

Схватив свой костыль, Килоний неуклюже поднялся с земли и кивнул раненому воину.

– Говори.

– Отряд разгромлен, князь убит, – сообщил воин, тяжело дыша.

– Что с остальными?

– Большинство перебиты, остальные захвачены.

– Как это произошло?

– Мы успешно захватили селение, но вскоре подошел большой ногарский отряд из Хорума. Наверное, их было не меньше легиона. Ногары окружили нас. Наш отряд разбит.

– Что с Аррелием? – спросил Хорруг.

Раненый покачал головой.

– Я не знаю.

Килоний бросил на Хорруга недовольный взгляд.

– Позаботьтесь о нем, – приказал он воинам, указав на раненого. – Готовьте повозки, запрягайте коней. Мы должны покинуть это место как можно скорее.

Воины поспешили исполнить приказы сотника, весь лагерь пришел в движение.

– Куда ты поведешь обоз? – поинтересовался Хорруг, поднимаясь на ноги и поправляя плащ на плечах.

– Домой, – коротко ответил сотник.

– И оставишь тех, кого захватили ногары?

– Не считай это трусостью, – хмуро ответил Килоний. – Если мы не сохраним обоз, все наши семьи будут голодать. Добыча невелика, но это будет хоть какое-то утешение женам и детям тех, кто не вернется из похода.

– Ясно, – кивнул Хорруг. – Я не пойду с тобой.

– Меня это нисколько не опечалит, – проворчал сотник.

Оказавшийся поблизости и слышавший их разговор молоденький юноша спросил Хорруга:

– Куда ты отправишься, чужеземец?

– За теми, кто остался там, – ответил Хорруг.

– Тогда я с тобой! – воскликнул юноша.

– Мы отправляемся домой, Демилий! – рявкнул сотник. – И ты пойдешь со всеми!

– Но там мой отец!..

– А там твоя мать! – Сотник указал на полночь, в сторону лесов. – Может статься, что муж для нее уже потерян. Хочешь еще лишить ее и старшего сына? Теперь ты глава семьи, и тебе заботиться о ней.

– И на правах старшего я принимаю решение! – не уступал Демилий. – Я не смогу смотреть в глаза матери, если брошу отца, даже не зная, жив он или мертв.

– Ты воин и в походе обязан подчиняться князю или сотнику, то есть мне, – сурово произнес Килоний. – Я должен бы наказать тебя, но будь по-твоему. У меня нет времени на споры, ногары могут прийти сюда. Решай сам, как тебе поступить.

Сотник уковылял прочь. Хорруг кивнул юноше.

– Если готов, можешь идти со мной. Не передумал?

– Я не передумаю, – решительно ответил Демилий.

Сборы отряда были недолгими, вскоре обоз двинулся в сторону полночных лесов. Напоследок сотник хлопнул Демилия по плечу:

– Надеюсь еще увидеть тебя живым, парень. Береги себя.

На Хорруга он даже не взглянул.

Скрип повозок и топот копыт затихли вдаль, Демилий и Хорруг остались одни у догорающего костра. Затапав угли, Хорруг сказал юноше:

– Идем.

В кромешной тьме Демилий беспрекословно последовал за своим старшим товарищем. До самого рассвета двое людей шагали сквозь ночь к поселению, так неудачно выбранному князем Саратонием для набега.

– Как мы освободим пленников? – спросил Демилий. – Ты уже что-нибудь придумал?

– Нет, – мрачно ответил Хорруг.

– Как же мы будем действовать?

– Не знаю.

– Но надо же что-то придумать! – не успокаивался Демилий.

– Угу, – все так же мрачно буркнул Хорруг.

– А ты не очень разговорчив, – заметил Демилий.

В голосе паренька слышалась обида.

– Еще успеем наговориться.

Когда ночная мгла полностью рассеялась, вдаль, в дымке тумана, показался невысокий частокол, из-за которого выглядывали соломенные крыши строений.

– Это здесь! – нетерпеливо воскликнул юноша. – Идем скорее!

– Ага, – кивнул Хорруг. – И вдвоем разгромим все войско ногаров.

Юноша чуть смутился.

– Ну, я не совсем это имел в виду.

– Не горячись, – посоветовал Хорруг спутнику. – Давай не будем лезть на рожон. Сперва разузнаем, что к чему. Запомни, для всех, кто встретится на пути, мы простые путники. Так что спрячь клинок и не хватайся за него, пока я не скажу. Договорились?

– Согласен, – не стал возражать Демилий.

Юноша спрятал свой короткий бронзовый меч под плащом. Хорруг же свой меч по-прежнему держал завернутым в сукно. За время похода ему пришлось выслушать немало насмешливых замечаний со стороны Аррелия по этому поводу.

Еще издали Хорруг и Демилий увидели нескольких человек, копавших землю чуть в стороне от селения.

– Что они там ищут в такую рань? – удивился юноша.

– Думаю, они ничего не выкапывают, – мрачно произнес Хорруг. – Скорее наоборот, собираются закопать... кого-то.

Демилий побледнел и нервно сглотнул, шаг его сбился.

– Там наши? – спросил он.

– Возможно, – кивнул Хорруг. – Подойдем ближе, узнаем.

Оба направились прямо к землекопам. Догадка Хорруга оказалась верна – на земле рядами лежали более сотни мертвых изрубленных тел. Здесь были и арамеи, и ногары и еще кто-то, видимо, из числа селян.

– Мир вам, – угрюмо произнес Хорруг.

Один из землекопов – седой взлохмаченный старик с короткой бородкой, хмуро взглянул на чужаков исподлобья и проворчал:

– Какой уж тут мир...

Кроме него, еще три десятка стариков и женщин копали длинный широкий ров.

– Что здесь произошло? – спросил Хорруг.

– Одни головорезы перебили других, – скрипуче отозвался другой старик. – Теперь все будут лежать в одной могиле, там не подерутся. Оставить бы их гнить в степи, как они того заслуживают, да слишком уж много нынче падали, стервятники не справляются, того и гляди снова придет мор. Прошлым летом чума уже опустошила половину селений.

Старик сплюнул сквозь редкие желтые зубы и, повернувшись к чужакам спиной, снова взялся за лопату.

– Где все ваши мужчины? – спросил Хорруг.

– В земле, парень, – глухо отозвался первый старик. – Молодые и сильные давно уже пали от клинков таких же головорезов, как эти, – он кивнул в сторону трупов. – Они не хотели покоряться грабителям, но нас так мало... Вчера погибли еще несколько человек. Скоро совсем некому будет пахать, и все мы тут передохнем от голода.

Последние слова старик произнес с нескрываемой злобой.

Хорруг и Демилий прошли вдоль мертвых тел. Тела арамеев были изувечены множеством ран – видимо, лесные варвары бились до последнего вздоха. Среди павших Хорруг опознал князя, Сертония, Киродия, многих других.

– Аррелия здесь нет, – тихо пробормотал Хорруг.

– Моего отца тоже, – так же тихо добавил Демилий.

– Ногары взяли пленников? – спросил Хорруг могильщиков.

Пожилая женщина хмуро взглянула на него и ответила:

– Ищите своих приятелей в Хоруме. Их увели туда.

– Я не говорил, что они наши приятели, – заметил Хорруг.

– Это и так ясно по вашему виду. Одежды из шкур носят только лесные варвары.

– Где этот Хорум? – продолжал расспрашивать Хорруг.

– Ступайте на восход, до него три дня пути. Надеюсь, там вы и сгинете.

И снова путники уловили злость в голосе селянки, как ранее в голосе старика. Несмотря на то, что с ними вступили в разговор, жители села откровенно ненавидели чужаков, и сомневаться в искренности пожелания женщины не приходилось.

– Не надейся, – мрачно ответил Хорруг и кивнул своему юному спутнику: – Идем.

Юноша последовал за Хорругом. Когда селение осталось позади, Демилий неприязненно заметил:

– Эти люди не слишком гостеприимны.

– Твои соплеменники напали на них и ограбили, – ответил Хорруг. – С чего бы им радоваться таким гостям?

Демилий смутился. Некоторое время он молча шагал вслед за Хорругом, потом вдруг тихо произнес:

– Эти люди несчастны.

– Для счастья у них маловато причин, – угрюмо согласился Хорруг. – Мирные земледельцы вымирают. С одной стороны, их обираете вы и кочевники, с другой – ногары. Все, что они добывают своим трудом, достается другим, им же остается лишь умирать.

– Почему все так, Хорруг? – спросил Демилий. – Ты прав, конечно, мы кормимся за счет этих людей, но ведь тоже живем впроголодь. Я слышал, что и в Ногаре люди голодают. Почему все мы несчастливы?

Хорруг покачал головой и мрачно ответил:

– Я не знаю.

* * *

Ворота распахнулись, пропуская во двор цитадели большой отряд. Колонна из трехсот всадников втянулась внутрь. В хвосте отряда следовали три десятка связанных израненных людей.

В воротах один из пленников – рослый великан, споткнулся. Шедший рядом поддержал товарища. В тот же миг в воздухе просвистела плеть. Ехавший позади всадник пнул сапогом одного из пленников в плечо и прикрикнул:

– Пошевеливайтесь, скоты!

Пленник процедил сквозь зубы:

– Запомни мои слова, ублюдок, я сломаю тебе эту ногу.

– Для начала сбереги свои, – посоветовал всадник и вновь взмахнул плетью.

– Попридержи свой норов, Аррелий, – сказал великан своему товарищу. – У нас еще будет время пустить им кровь.

– Не терпится сделать это прямо сейчас, Тороний, – отозвался тот.

Вслед за пленниками всадники загнали во двор полсотни гиппарионов. Следом за ними в ворота втянулся обоз из нескольких повозок.

К прибывшим вышел человек средних лет в белой тоге с широкой синей каймой, расшитой золотыми нитями. На груди его блестела массивная золотая цепь, а пальцы украшали перстни с рубинами и изумрудами. Человека сопровождала красивая молодая женщина в таких же богатых одеждах и украшениях и еще трое мужчин, одетых попроще.

– На колени, скоты! – приказал капитан отряда пленникам. – Перед вами повелитель Хорума царь Ксеностос!

Не дожидаясь, пока пленные арамеи исполнят приказ, ногарские воины пинками и ударами заставили их опуститься на колени.

– Вижу, весенний сбор дани был удачен, Аксес, – удовлетворенно заметил царь, оглядев пленников.

– Можно сказать, что так, повелитель, – кивнул Аксес. – С деревень и поселков налог нынче невелик, некоторые вымерли начисто. Но нам удалось захватить этих грабителей, разоряющих твои владения.

Аррелий исподлобья взглянул на правителей Хорума. Взгляд его невольно задержался на спутнице царя. Судя по всему, это была царица, хотя по возрасту она годилась Ксеностосу чуть ли не в дочери. Аррелий даже приподнял голову, откровенно рассматривая женщину. Он словно любовался ее красотой, ощупывая взглядом стройный гибкий стан. Царица ответила пленнику таким же пристальным взглядом. Блеск в ее черных глазах лучше всяких слов сказал арамею, что при других обстоятельствах он без особого труда добился бы близости с этой женщиной.

Их обмен взглядами не укрылся от внимания Ксеностоса.

– Эй, раб! – окликнул он Аррелия. – Ты смотришь на мою жену, и мне это не нравится. Ты достоин того, чтобы тебе выкололи глаза.

Царица легонько коснулась плеча супруга и тихо сказала:

– Все эти рабы заслуживают гораздо большего наказания за свои преступления, но ведь целыми, не покалеченными они представляют гораздо большую ценность.

– К сожалению, это так, – вынужденно согласился Ксеностос и поморщился.

Снова скользнув взглядом по склоненным головам пленников, он произнес:

– Следовало бы подвергнуть их пыткам и казнить за разбой. Но мы поступим иначе. Продадим их в Хишимер, чтобы возместить ущерб от их грабежей.

При этих словах Аррелий сжал кулаки и стиснул зубы.

– Хвала твоей мудрости, повелитель, – почтительно произнесла царица.

– Хишимер охотно скупает рабов, – добавил один из приближенных. – За этих крепких парней можно получить хорошую цену.

– Пока отмыть их, накормить и запереть в подземелье, – распорядился царь. – Товар не должен предстать перед покупателем в таком неприглядном виде.

Аксес махнул рукой, подавая сигнал солдатам. Ногары пинками подняли пленников на ноги и повели прочь. Конюхи загнали захваченных гиппарионов в конюшню, слуги принялись разгружать повозки.

Царь собирался было вернуться в свои покои, но в этот момент во двор крепости галопом влетел всадник. Спешившись, он припал на одно колено перед Ксеностосом и склонил голову.

– Мой царь, прибыл императорский гонец, – сообщил он. – Он уже подъезжает к крепости.

– Встретим его здесь, – распорядился царь.

– Разумно ли? – тихо усомнилась царица. – Все-таки гонец императора...

– Именно поэтому, – жестко ответил царь. – Я ценю твои советы, Минессис, но не сейчас. Эй, поставьте мне кресло здесь!

Слуги поспешили установить во дворе высокое кресло, похожее на трон. Едва царь занял свое место, во двор въехали несколько всадников в тяжелом вооружении. Один из них держал в руке ярко-синий штандарт императора Ногары.

– Приветствую тебя, правитель Хорума, – произнес всадник со штандартом, натянув поводья.

Ни он, ни сопровождавшие его телохранители не спешили, что позволило им воздержаться от каких-либо поклонов и прочих выражений почтительности. В этом положении императорский гонец смотрел свысока на правителя Хорума и его свиту, и царь вдруг понял, сколь нелепо должен выглядеть. Кроме того, гонец не назвал Ксеностоса царем, словно подчеркивая, что самопровозглашенный государь все же является подданным ногарского императора. Ксеностос запоздало признал разумным совет супруги. Пожалуй, действительно было лучше принять императорского посланника в покоях.

– Зачем ты приехал? – спросил Ксеностос, нахмурившись.

– Тебе надлежит принять посольство императора к царю Хишимера и обеспечить его людей всем необходимым, – объявил гонец.

Царь помрачнел еще больше.

– Можешь передать императору, что я позабочусь о его послах, – произнес он.

– Посольство уже в пути и скоро будет здесь, – сказал гонец. – Императору нет нужды в твоём ответе.

Сказав это, императорский посланник развернул гиппариона, пришпорил его и вылетел за ворота. Телохранители последовали за ним.

Царь взглянул на свою свиту и сказал одному из приближенных:

– Онессес, этот парень держался слишком нагло. Сделай так, чтоб он пожалел о своей дерзости.

* * *

В сопровождении дворцового слуги Идигер вошел в зал. Вдоль стен стояли лучники с натянутыми тетивами. В центре зала бились три воина, в одном из которых жрец узнал своего повелителя царя Азгадера.

– Что происходит? – спросил Идигер.

– Государю захотелось размяться, – тихо ответил слуга.

Царю, облаченному в кольчатую кольчугу и вооруженному тяжелой секирой, противостояли два рослых воина в полном вооружении – видимо, из числа рабов. Судя по виду, это были ногары. Один из противников царя уже изрядно устал и был ранен, его разбитый щит и помятый шлем валялись на полу, правый глаз заливала кровь, левая рука висела плетью, по предплечью также стекала кровь. Он упал на одно колено, едва не выронив меч, но вновь поднялся, что далось ему с трудом. Оказавшись за спиной Азгадера, он вскинул меч. Отбив выпад другого противника, царь, почти не оглядываясь, махнул щитом назад. Зазубренная бронзовая кромка щита разорвала горло раба, тот опрокинулся на спину и через мгновение затих.

Другой противник царя оказался намного крепче и выносливей, да и мечом владел гораздо лучше. Однако и он с трудом мог противостоять Азгадеру, по праву считавшемуся одним из лучших воинов Хишимера.

Мощным ударом царь опустил секиру на щит противника, разбив его. Ногар едва устоял на ногах, однако не растерялся. Швырнув обломки щита в лицо царю, он перехватил меч обеими руками и сам нанес удар. Клинок врубился в топище секиры. Удар ногара был столь силен, что Азгадер не удержал секиру. Ногар ударил плечом в щит царя и сбил противника с ног. Наступив на щит, ногар не позволил царю закрыться и занес клинок над простертым телом. Удар без сомнений мог бы стать последним и в этой схватке, и в жизни правителя Хишимерского царства.

Лучники уже были готовы расстрелять победителя с разных сторон, но грозный окрик царя остановил их:

– Всем стоять!

Пристально глядя в глаза ногару, возвышавшемуся над ним с мечом, готовым для удара, Азгадер спросил:

– Чего ты медлишь, раб? Почему не бьешь?

– Тому есть две причины, – глухо ответил ногар.

– Боишься, что мои лучники попортят твою шкуру? – усмехнулся царь.

– Это вторая причина.

– Какая же первая?

– В поединке я не добиваю поверженного противника.

– За это и заплатишься, – процедил Азгадер.

Царь ударил ногой в колено ногара, его ладонь в кольчужной перчатке сомкнулась на лезвии опустившегося клинка. Потеряв равновесие, ногар упал на Азгадера, тот встретил его коленом. Отшвырнув противника в сторону, царь легко поднялся на ноги, меч ногара оказался в его руке.

– В наше время благородство не в цене, – произнес Азгадер. – Но твоя доблесть, стойкость и храбрость делают тебе честь, как воину. Встань.

Ногар поднялся на ноги.

– Как твое имя? – спросил царь.

– Метнос, – назвал пленник.

Азгадер протянул ему клинок и объявил:

– Будешь моим телохранителем.

Брови Метноса удивленно взметнулись.

– Ты готов доверять мне настолько? – ошеломленно спросил он.

– Главное, чтобы ты доверял мне, – ответил царь. – Я же не доверяю никому, помни об этом всегда. Иди умойся, смени одежду и доспехи. Все свободны! – объявил он лучникам. – Этого убрать, – царь указал на мертвое тело. – А ты иди сюда!

Последние слова относились к Идигеру. Как только лучники и Метнос покинули зал, а слуги вынесли тело погибшего раба, жрец приблизился к царю и почтительно склонил голову.

– Мне сказали, ты хотел меня видеть, государь.

– Я хотел видеть тебя еще вчера. Где ты был?

– Я ездил в Ногару.

Азгадер нахмурился.

– Почему мне об этом ничего не известно?

Жрец снова склонил голову.

– Прости, государь. Я не хотел излишне обременять тебя.

– Ты хорошо знаешь, мне не нравится, когда от меня что-то скрывают, – сурово произнес царь, – Если я что-то узнаю последним, это наводит меня на худшие подозрения. А тебе известно, к чему приводят мои подозрения.

Жрец молча кивнул. Он отлично знал, что бывает с теми, кого правитель Хишимера начинал подозревать в неблагонадежности. Немало его приближенных приняли смерть на плахе, в пыточных камерах, а то и прямо в тронном зале, лишившись доверия повелителя. Даже Идигер, верховный служитель культа, не смог бы избежать подобной участи. Но жрец отлично знал все слабости царя и умел угождать своему повелителю, хотя зачастую при этом приходилось балансировать на лезвии ножа.

– Рассказывай, – потребовал Азгадер. – Что ты делал в Ногаре?

– Укреплял твой трон, государь, – ответил Идигер.

Царь недовольно поморщился. Всякое упоминание о троне злило его. Еще при его отце, ревностном приверженце Тота, искусные мастера изготовили трон Хишимерского царства из человеческих костей. Азгадера невозможно было даже заподозрить в слабости духа, однако жуткий трон предка повергал его в трепет, побороть который царь был не в силах. В тронном зале Азгадер всегда предпочитал садиться в деревянное кресло.

Жрец провел ладонью по своей бородке, скрывая улыбку. Дразнить Азгадера было делом весьма опасным, однако Идигер редко отказывал себе в таком удовольствии, лишний раз напоминая царю, что смерть не страшна верховному служителю одного из ее богов.

– Укреплял твою власть, повелитель, – поправился жрец.

– Моя власть и без того крепка, – проворчал царь.

– Но будет еще крепче, когда падут наши враги.

– Рассказывай подробней, – потребовал Азгадер. – Что ты задумал?

- Я добыл для тебя золото Бельфеддора, государь, – сообщил жрец.
- Вот как? – удивленный Азгадер на мгновение задумался. – Что взамен?
- Не много. Взамен ты разгромишь арамеев.

Глаза Азгадера гневно сверкнули.

– Ты решил втянуть меня в бессмысленную войну? – свирепо прорычал он. – И после этого надеешься сохранить голову на плечах?

– Надеюсь, – невозмутимо ответил жрец, даже не моргнув. – Ты воин, государь, и смотришь только вперед. Я же заглядываю немного дальше и смотрю во все стороны.

– Ну и что ты там увидел, в этих сторонах? – недоверчиво спросил царь.

– Перспективы, государь.

Азгадер нахмурился.

– Не запутывай меня словами, жрец, – грозно произнес он. – Говори по сути.

– Изволь, государь, – кивнул Идигер. – Война с арамеями не будет бессмысленной. Сейчас их племена разрозненны, но так будет не всегда и их очень много. Им уже тесно в своих лесах, и скоро они устремятся в степи Ногары. Ногары не смогут противостоять им, и империя будет уничтожена окончательно.

– Ну и какая мне печаль с этого? – безразлично спросил царь.

– Земли Ногары могут стать нашими, и ты можешь стать повелителем новой империи.

– При чем же здесь арамеи? – снова недоверчиво спросил Азгадер.

– Арамеи – наши соперники, – пояснил Идигер. – Земли Ногары сейчас пустынные, кто-то должен их занять. Лучше, чтобы это были мы. Ногара обескровлена, она падет в любом случае. Сейчас твое царство – самая сильная держава по эту сторону Круглого моря. Но арамеев очень много, и если они объединятся... Полвека назад твой прадед объединил племена хошимов, вывел их из полуночных лесов и привел на эту землю. Арамеи сделают то же самое, и сделают в скором времени.

– У них появился верховный вождь? – насторожился царь.

– Есть человек, который может стать им.

– Это меня мало убеждает, – отмахнулся Азгадер. – Ты же знаешь, я не склонен доверять всяческим пророчествам и предсказаниям, их можно толковать и так, и этак.

– В этот раз тебе лучше поверить.

– На словах у тебя все получается слишком гладко, – произнес царь, размышляя. – Разгоним арамеев, разобьем ногаров... На деле за арамеями придется лезть в дремучие леса, где кругом засады и ловушки, а Ногара, хоть и утратила былое могущество, но все-таки слишком сильна. Наверняка все ногарские правители объединят свои легионы против общей угрозы и выставят большую армию. Кроме них, в степях есть и другие племена, а побережье осаждают моряги. Слишком много противников. Эта война обескровит нас.

– Вот для того и понадобится золото Бельфеддора, – ответил жрец. – В подземелье его затерянного города хранятся несметные богатства. На них ты купишь тысячи отличных воинов из Каттана, Ардоны, Хингары и даже из самой Ногары. Война не продлится слишком долго. А о том, чтобы Ногара ослабла еще больше, я уже позаботился.

Азгадер усмехнулся.

– Коварство твое мне известно, – произнес он. – Но если узнаю, что плетешь интриги и против меня... Умирать будешь долго и мучительно.

– Не сомневаюсь, – невозмутимо кивнул жрец. – Но мне нет нужды замысливать против тебя что-либо. Я заинтересован в твоей победе. Ты расширишь свои владения и создашь новую империю, я же распространю влияние Тота на все побережье.

– Ты говоришь как об уже решенном деле, – недовольно заметил царь.

– У тебя нет времени предаваться долгим размышлениям, – сказал Идигер. – Посольство ногарского императора уже в пути, встреча назначена у Хорума.

Лицо Азгадера исказила злобная гримаса.

– Так-так, – грозно прорычал он. – Что ты еще решил за меня?

– На встрече ты поклянешься именем Тота пойти войной на арамеес в обмен на золото Бельфеддора, – бесстрастно сообщил жрец.

– Не слишком ли много ты наобещал ногарам?! – со злобой прорычал царь.

– Подумай о том величии, что ждет тебя, – сказал Идигер. – Твоя власть сильна, но в любой миг может пошатнуться. Потомки племенных вождей и старейшин хишимерских родов еще не забыли о тех временах, когда наш народ сам избирал себе правителей подобно тому, как арамеи по сей день избирают своих князей. Народу нужна убедительная победа над врагом, чтобы укрепить веру подданных в твое могущество. Я же со своей стороны могу обещать тебе полную поддержку Тота.

Азгадер погрузился в раздумья. Отступив от жреца, он подошел к окну и выглянул наружу. Идигер молча ждал, обхватив себя за плечи и склонив голову. Неожиданно царь резко обернулся и произнес:

– Тебе следовало бы выпустить кишки за дерзость и самоуверенность. Клянусь, если хоть что-то пойдет не так, как ты наобещал, я так и сделаю.

– Я учту это, – спокойно ответил жрец.

Царь снова ненадолго умолк, потом сказал:

– Скоро гипиты соберутся в степи у Хорума на Праздник Огня. Я встречу с ногарами на празднике.

* * *

Шедший впереди Хорруг резко остановился, вскинул руку, подавая сигнал опасности, и припал на одно колено. Демилий последовал его примеру и схватился за рукоять меча, скрытого под плащом.

– Что там? – тихо спросил юноша.

– Люди, – ответил Хорруг. – Сдается мне, что они тут не на отдых расположились.

– Ногары? – снова опасно спросил Демилий, с тревогой вглядываясь вдаль.

– Похоже на то, – кивнул Хорруг. – Впрочем, это уже не имеет значения. Кажется, все они мертвы.

Хорруг поднялся во весь рост и направился к лежавшим посреди степи телам. Демилий последовал за ним.

– Действительно, ногары, – произнес Хорруг, осматривая павших. – Солдаты императора. Вот и штандарт. Странно видеть их здесь, так далеко от столицы. Освободи гиппариона.

Он указал спутнику на испуганно фыркавшего неподалеку коня, в стремени которого запутался ногой погибший всадник. Юноша осторожно приблизился к гиппариону, потрепал холку животного, успокаивая.

– Как ты думаешь, кто напал на них? – спросил Демилий. – Разбойники?

– Вряд ли, – усомнился Хорруг, покачав головой. – Разбойники забрали бы все, даже сняли бы с трупов сапоги и одежду. Этих же просто убили. Даже гиппариона оставили.

– Он ранен, – сообщил юноша, осмотрев жеребца. – Наверное, потому его и оставили здесь.

Демилий повел коня за собой. Гиппарион действительно заметно хромал. Окинув взглядом мертвые тела, юноша воскликнул:

– Смотри, один еще живой!

Он указал на воина, сжимавшего древко императорского штандарта. Ногар и в самом деле пошевелил рукой. Хорруг присел на корточки рядом с раненым. Ногарский воин приоткрыл глаза, посмотрел на Хорруга мутным взлядом и прохрипел:

– Кто ты?

За время недолгой службы наемником в войске одного из ногарских царей Хорруг успел немного выучить их язык, поэтому понял вопрос и ответил по-ногарски:

– Путник. А ты кто?

– Гонец императора, – тяжело выдохнул ногар. – Что со мной?

– У тебя из живота торчит стрела, грудь пробита, а правый бок рассечен секирой, – сообщил ему Хорруг. – Ты умираешь.

Ногар закрыл было глаза, вновь проваливаясь в забытие, но вопрос Хорруга вернул его к действительности:

– Кто напал на тебя и твоих людей?

Императорский гонец кашлянул и коротко простонал. Из уголка рта выбежала струйка крови, прокладывая по подбородку новую дорожку среди уже запекшихся. Хорруг поддержал голову ногара и повторил вопрос:

– Кто напал на вас?

– Ксеностос, царь Хорума, – прохрипел гонец. – Это были его люди. Император направил посольство к царю Хишимера и потребовал от Ксеностоса встретить караван в Хоруме. Похоже, Ксеностосу это не очень понравилось. Скоро караван будет здесь, но мне уже не успеть предупредить послов императора об опасности. Проклятье... Кажется, я действительно скоро сдохну. Эй, приятель, окажи мне одну услугу.

– Какую?

– Дай воды. Дьявольски хочется пить.

– Сейчас тебе не пойдет это на пользу, – предупредил Хорруг. – У тебя брюхо продырявлено.

– Мне жизни осталось на два вдоха, – прохрипел ногар. – Подохну хотя бы не от жажды.

По просьбе Хорруга Демилий подал ему фляжку с водой. Хорруг поднес сосуд к губам умирающего ногара, влил ему в рот немного воды. Сделав пару глотков, императорский гонец вдруг вскрикнул, откинулся назад и затих. Накрыв лицо ногара ладонью, Хорруг закрыл ему глаза.

– О чем ты с ним разговаривал? – поинтересовался Демилий.

Хорруг вкратце передал спутнику свой разговор с умершим гонцом.

– Смотри, сюда кто-то едет, – сказал Демилий.

Хорруг оглянулся. На пологом холме показались несколько всадников и устремились к месту недавнего боя, а через мгновение из-за холма появился целый отряд. Поднимая клубы пыли, катились колесницы и повозки в сопровождении не менее трехсот конных воинов.

– Похоже, это и есть посольский караван, – произнес Хорруг. – Я вижу императорский штандарт над первой колесницей.

– Не лучше ли нам убраться с их пути? – опасливо спросил Демилий. – От ногаров добра не жди.

– Нас уже заметили, – ответил Хорруг. – Вдвоем на одном хромом гиппарионе мы далеко не укачем. Вряд ли ногары встретят нас радушно, ни к чему усиливать в них подозрения своим бегством. Помни, мы простые путники. Попробуем присоединиться к каравану, так будет легче попасть в Хорум.

– Мне не нравится твоя задумка, – пробормотал Демилий.

– Можешь предложить что-нибудь получше?

Юноша неопределенно пожал плечами.

– Тогда стой и помалкивай, – посоветовал ему Хорруг. – Говорить буду я. Поверь, даже в качестве пленников нам лучше присоединиться к посольскому каравану.

Между тем всадники окружили путников. Их предводитель – молодой воин в позолоченных доспехах, окинул взглядом мертвые тела, затем пристально посмотрел на Хорруга и Демилия и спросил:

– Ну и что вы мне скажете?

– Люди правителя Хорума убили императорского гонца и все его сопровождение, – ответил Хорруг.

– Ты сам это видел?

– Он сказал. – Хорруг указал на тело гонца. – Он был еще жив, когда мы пришли сюда.

– Кто вы? – продолжал спрашивать молодой ногар.

– Путники, – просто ответил Хорруг. – Идем в Хорум.

Предводитель ногарских воинов вновь окинул обоих внимательным взглядом, словно ощупывал.

– Вы не похожи на простых пилигримов, – произнес он. – Этот парень, что все время молчит и, скорее всего, не понимает ни слова, явно арамей, и я вижу меч под его плащом. Да и ты, похоже не налегке. Что у тебя в свертке?

Видимо, несмотря на молодость, ногар был уже достаточно опытен и умел подмечать мелочи, ускользающие от внимания других.

– Здесь мой меч, – ответил Хорруг. – Дороги нынче опасны для путников.

– Почему твой меч завернут? – удивился ногар. – В этих краях всегда лучше быть наготове.

Хорруг пожал плечами.

– Нет нужды обнажать оружие, пока не появится враг.

– Значит, нас ты за врагов не считаешь? – усмехнулся ногар. – Ты, случайно, не дромид?

Хорруг снова пожал плечами.

– Я даже не знаю, кто это.

Тем временем караван встал, одна из колесниц приблизилась к всадникам, окружившим путников. Высокий ногар средних лет с проседью в волосах, облаченный в пурпурную тогу императорского советника, окликнул предводителя воинов:

– Благородный Икестос, у нас нет времени на разговоры со всякими разбойниками. Пусть им отрубят головы, и поедем дальше.

Если бы Демилий понимал язык ногаров, он наверняка обнажил бы меч при этих словах. Но юноша лишь смотрел на своего спутника, ожидая от него объяснений.

На лице Хорруга не дрогнул ни один мускул. Встретившись глазами с его жестким взглядом, Икестос усмехнулся и ответил человеку в тоге:

– Казнить их мы всегда успеем, благородный Аксеннос, если на то будут основания. Ты прав, у нас нет времени на долгие разговоры., разберемся с ними позже.

Он кивнул своим воинам.

– Связать их, и в обоз.

Демилий не понял ни слова, но когда солдаты начали выкручивать ему руки, попытался было воспротивиться и дотянуться до меча.

– Не дергайся, – остановил его Хорруг. – Целее будешь. Драка нам сейчас ни к чему.

– Добрый совет, – сказал Икестос по-арамейски, обращаясь к Демилию. – Прислушайся к своему приятелю, парень, – останешься с головой на плечах.

Хорруг позволил себя связать без сопротивления. Один из воинов подал Икестосу его меч, завернутый в сукно. Икестос развернул клинок и удивленно прищелкнул языком.

– Ты только взгляни на это, благородный Аксеннос, – сказал он, подъехав к колеснице советника.

– Да это же сталь! – воскликнул Аксеннос. – Отличный клинок! Мастер, создавший его, был знатоком своего дела. Хошимы ценят добрые клинки – пожалуй, стоит присоединить этот меч к прочим дарам.

– Не мешало бы спросить и моего согласия, – угрюмо заметил Хорруг.

Советник отмахнулся от него, как от назойливой мухи, и презрительно ответил:

– Благодарю своих варварских богов, бродяга, что пока не расстался с головой. Наверняка ты украл этот меч или снял с убитого благородного воина.

– Считай, что вам обоим сегодня повезло, – с усмешкой добавил Икестос.

– Повезет ли вам? – мрачно отозвался Хорруг.

Икестос нахмурился.

– Звучит как угроза. Ты хоть знаешь, кто перед тобой?

Хорруг пожал плечами.

– Мне это безразлично. Многим когда-то приходится сожалеть о своих неосторожных поступках, будь то царь или нищий.

– Мне не придется, – самоуверенно заявил Икестос и кивнул своим воинам. – В обоз их!

* * *

Укрывшись за ветвями кустарника, Ксаннея неотрывно следила за царевной Немеей. Девушка сидела в одиночестве в легкой открытой беседке. Вытянув руку, царевна разглядывала кольцо с изумрудом на среднем пальце, на ее губах играла мечтательная улыбка.

Стоя в своем укрытии, Ксаннея нервно покусывала губы. Она отлично могла себе представить причину подобного настроения царевны. Кольцо девушке преподнес Икестос перед самым своим отъездом. Всякий раз, вспоминая, как Икестос во главе своих воинов, призванных охранять посольский караван в пути, покидал Императорскую площадь, Ксаннея проклинала хишимерского жреца. Такой поворот событий она предположить не могла. Караван должен был вести другой полководец, однако незадолго до выезда посольства император вдруг заменил командира отряда. В ночь накануне отъезда посольства император долго беседовал с Икестосом наедине. Ксаннея могла лишь догадываться, о чем был их тайный разговор. Вспоминая, как воодушевился Икестос после этой встречи, какой взгляд он бросил, уезжая, на террасу дворца, где стояла царевна, и какими глазами смотрела ему вслед Немея, императрица начинала подозревать, что молодому полководцу поручено особое задание и в случае успеха обещана рука царевны.

Все чаще императрица вспоминала, какое развитие событий предрек Идигер в случае ее бездействия. Как ни проклинала Ксаннея хишимерского жреца, все же приходилось признать, что его слова оправдываются. Уже не первый раз за последние дни пальцы Ксаннеи нащупывали кисет с ядовитым снадобьем, спрятанный под одеждой, но императрица не решалась последовать совету Идигера и пустить зелье в ход. Ей вовсе не было жаль падчерицу – не будь она царевной, Ксаннея давно бы уже нашла возможность избавиться от соперницы менее изощренным способом. Уж чего-чего, а профессионалов, владеющих ремеслом ночных убийц, хватало и в Отоммосо, и в самом дворце. Но Немея являлась дочерью императора, и этого было достаточно, чтобы задуматься о возможных последствиях таких крайних мер. Императора Нокатотоса вряд ли можно было назвать сильным и властным правителем, но упрекнуть в бесхребетности и слабости точно было нельзя. Импульсивный и вспыльчивый, он растоптал бы любого, осмелившегося нарушить его благополучие и душевный покой. Смерть любимой дочери могла не только повергнуть Нокатотоса в уныние и апатию, но и привести к вспышкам неконтролируемой ярости и жестокости.

Опасаясь самого худшего, Ксаннея всеерьез начинала задумываться: а не подсыпать ли зелье хишимерского жреца самому императору? Но это ни на шаг не приблизило бы ее к

заветной цели, лишь упрочило бы положение соперницы. Ведь трон займет не она, а Немея, и Икестос, без сомнений, предпочтет ложе наследницы трона, через которое и сам станет императором. Вот если бы Нокатотос покинул этот мир вслед за дочерью...

Послышались легкие шаги. Императрица обернулась. По тропинке сада, выложенной мраморными плитами, шла молодая служанка. Девушка несла на серебряном подносе блюдо с фруктами и кубок с вином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.